

ЛАНТЕРН

ТАТЬЯНА НЕФЁДОВА

ЛЮБОВЬ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

РУССКИЕ СНЫ
И ФРАНЦУЗСКИЕ ТАЙНЫ
ТИХОЙ ДЕРЕВНИ

18+

Татьяна Нефёдова

**Лантерн. Русские сны и
французские тайны тихой деревни**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Нефёдова Т.

Лантерн. Русские сны и французские тайны тихой деревни /
Т. Нефёдова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Живописная деревня на юго-западе Франции, наши дни. Москвич Никита Шереметев ищет средство от хандры, но находит, кажется, лишь новые проблемы. В старинном доме на вершине холма Никита видит странные сны – вместе с англичанином Эдвардом он оказывается то в эпохе римских завоеваний, то в Средневековье, то в Ренессансе. Очевидные параллели с судьбой Эдварда заставляют Никиту иначе взглянуть на собственную жизнь. У него пока еще остается возможность избежать фатальных ошибок... Все персонажи и события книги вымышлены, все совпадения с реально живущими и жившими людьми являются случайными.

Содержание

Первый день	6
Второй день	24
Третий день	48
Четвертый день	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Когда я рассказываю историю своей жизни, мне не верят. Когда говорю о своих снах, меня считают сумасшедшим. Честно говоря, я и сам не всегда понимаю, где сон, а где явь.

Как сказал этот русский парень? «Сделай все возможное, чтобы загладить вину, и стойко прими последствия». Откуда он знает, что надо делать? Наверное, знает, если его слова засели в мою голову. Он хороший человек. Хотел бы я иметь такого друга.

До сих пор не верю, что решился на это – после стольких лет встретиться с любовью всей моей жизни. Как она выглядит? Такая же миниатюрная? Или располнела? Ей сейчас должно быть около пятидесяти. Почему она сразу не бросила трубку, услышав мой голос?

Я рад, что вернулся на юг Франции. Снова купил дом. Очень выгодная была сделка, кстати. Теперь живу в другой деревне, в соседнем департаменте. Слишком тяжелые воспоминания связаны с прежним местом. С тех пор, как уехал оттуда год назад, ни разу не возвращался. Не могу.

Год вынужденной жизни в Лондоне меня измотал. Надоел сырой климат. Да еще суд – ужасная нервоотрепка. Мог ли я подумать, что придется изображать бедного пенсионера? Жить в жалкой конуре, которую предоставила социальная служба. И все ради того, чтобы три алчные фурии не добрались до моего капитала. Они предали меня – из-за денег. И жена, и, что самое печальное, обе дочери. Но теперь этот кошмар позади. Что дальше? Увидим. Надо принять последствия...

Кажется, приехал. Вон дом с вывеской. Фасад не слишком ухоженный.

Стоп! При чем здесь фасад?! Сейчас я увижу ее! А она увидит меня. Как-то неловко... Столько лет...

Вот звонок. Как начать разговор?

– Бонжур! Входи, пожалуйста, Эдвард.

Первый день

У порога соседнего дома, буквально в нескольких шагах от Никиты, остановилась пара прилично одетых пенсионеров. Границ личной территории они не нарушали, но откровенно наблюдали за тем, как он достал из дорожной сумки большой ключ и принялся возиться с замком.

– Бонжур, мадам, месье! – радостная интонация не слишком ему удалась.

Мужчина и женщина слаженным хором пропели:

– Бо-онжу-у-р!

Входная дверь была неровная, из толстых дубовых досок, со старинным замком и прорезью для почты в железной оправе. В этот раз Никита впервые отпирал ее самостоятельно – под пристальными взглядами соседей у него это получалось плохо. «Шли бы вы домой, мадам, – раздраженно подумал он. – Вместе с месье».

Ключ неожиданно повернулся. Клацнул замок, по-стариковски заскрипели ржавые петли. Никита кивнул соседям, подхватил чемодан и сделал шаг в прохладную прихожую. Полуоткрытая дверь слева вела в кухню. Повинуясь житейской привычке, сюда он и вошел первым делом.

Ставни были закрыты, его встретил полумрак, а еще – удивительный запах. Большой дом перед продажей тщательно отмыли, однако в кухне пахло так вкусно, будто здесь недавно пекли что-то сдобное. Никита бросил вещи у входа и включил свет.

Он никогда не выбрал бы эти грубые, темные фасады для шкафов и полок. Мелкую керамическую плитку вместо монолитной столешницы посчитал бы непрактичным решением. И такой неуклюжий стол он тоже ни за что не купил бы. Тем не менее приходилось признать, что ничего более уместного для старинного дома нельзя было придумать.

Никита присел на край добротного тяжелого стула. Мысли, которые он отгонял в дороге, налетели и накрыли его с головой.

Он принял решение о покупке дома в средневековой французской деревне ни с кем не советуясь. В глазах родных и друзей это был безумный, необъяснимый поступок.

– Что я буду делать в деревне?! – заходила от негодования жена Ольга. – Давай лучше купим небольшую квартиру на побережье! Пускай дороже, но это будет курорт, развлечения, общество!

Меньше всего Никите хотелось курортной тусовки и ее предсказуемых развлечений.

– Кто тебе сказал, что в деревне скучно? – возражал он. – Это изумительное место!

– Ты издеваешься?! – не сдавалась Ольга. – Я там умру со скуки!

Никита пытался сломить ее оборону рациональными доводами:

– Вокруг полно термальных источников и СПА-комплексов. Три часа на машине – и вот тебе Средиземное море. До Атлантического побережья – четыре часа. Пиренеи недалеко, там отличные горнолыжные курорты. По времени – как до родительской дачи в субботу!

Аргументы разбивались о необъяснимое и совершенно нетипичное для его жены упрямство:

– Ноги моей там не будет!

Юго-запад Франции манил Никиту щемяще прекрасными ландшафтами, красивыми деревушками, замками и монастырями, которых хватило бы на целую жизнь, полную приключений.

Он любил путешествовать. А еще любил Францию. Школа с углубленным изучением французского сделала Никиту франкофилом. Во всем, что касалось французской истории, кино и литературы, он мог заткнуть за пояс любого. Жена относилась к его увлечению благосклонно. Она сама прекрасно говорила по-французски и обожала Лазурный Берег. Они много

путешествовали, объездили полмира, но одна традиция оставалась неизменной: каждое лето, в июне, Никита проводил неделю на рекламном фестивале «Каннские львы».

Ольга терпеть не могла Канны и не вмешивалась в бизнес мужа. Зато ей нравилась соседняя Ницца, где она с удовольствием жила в арендованных апартаментах и со вкусом делила время между пляжем, ресторанами и магазинами. У нее давно сложился обширный круг курортных приятельниц, которые до крайности раздражали Никиту. В его голове не укладывалось, что общего могло быть с ними у его ироничной и самостоятельной жены.

– Ты не понимаешь, – пыталась объяснить Ольга. – У них есть чему поучиться.

– Тебе?! У этих тупых бездельниц?! – дивился Никита. – Шутишь, надеюсь?!!

– Они не бездельницы. И не тупые. Они пашут без усталости, чтобы отвечать ожиданиям своих мужчин. Там борщом не отделаешься. Я бы так не смогла.

– И не надо! Ты без всякого тюнинга красивее любой из этих калиброванных кукол.

Он не слишком преувеличивал. Ольга, безусловно, ухаживала за собой, однако главные достоинства достались ей от природы. Стройная, но не худая, с умными серыми глазами, густыми волосами и идеальной кожей, она была хороша, как Василиса Прекрасная. С годами во взгляде Ольги появилась царственная уверенность в себе, которая делала несущественным вопрос о возрасте. Муж обоснованно ею гордился.

Никита был не в силах делить курортные будни с женой. После Каннской фестивальной недели он брал напрокат машину и колесил по окрестным провинциям. Иногда сельские дороги уводили его так далеко, что приходилось срочно искать ночлег. Отелям Никита предпочитал домашнюю атмосферу частных пансионатов, но чаще выбирать не приходилось – в разгар сезона хороша была любая свободная комната.

– Опять загулял? – деланно-сердито спрашивала по телефону Ольга, когда он в очередной раз оставался ночевать неизвестно где. – Веди себя хорошо!

За шутками скрывалось беспокойство – внеплановые отлучки мужа ее нервировали.

– Хорошего поведения обещать не могу, – глумливо отвечал Никита, – но постараюсь вести себя прилично.

Он действительно вел себя прилично, и дело было вовсе не в твердых принципах. Никита наслаждался легальной свободой и не искал сексуальных приключений. Если только они сами не находили его, конечно.

Одним словом, Никита и Ольга любили Францию по-разному. Они относились к причудам друг друга терпимо и проводили ежегодный французский отпуск в относительной гармонии.

Так продолжалось до тех пор, пока Никита не объявил о покупке дома. Этому предшествовала цепь то ли случайных, то ли закономерных событий, которая замкнулась в очередной день его рождения – Никите стукнуло сорок пять.

В те годы рекламный бизнес Никиты Шереметева процветал – агентство было известным, одним из старейших на молодом российском рынке и имело прекрасную репутацию. Никите удалось собрать сильную креативную команду и завязать отношения с нужными людьми на ключевых рекламных площадках. Клиентский лист агентства выглядел впечатляюще, а рекламные бюджеты ставили его в число крупнейших локальных игроков. Однако в недрах этого сияющего благополучия Никита чувствовал угрозу. Международные рекламные холдинги, которые до той поры вели себя в Москве хаотично, обратили внимание на стремительно развивавшийся российский рынок. Пришел конец эпохе отчаянных самоучек и везучих дилетантов, наступала эра корпораций.

Однажды бессонной ночью, выстраивая в голове линию поведения в очередном крупном тендере, Никита вдруг отчетливо понял, что, оставшись независимым, его агентство обречено

на угасание до размеров мелкого нишевого бизнеса. Еще он понял, что к такому исходу не готов. Его детище должно было жить. Для этого следовало стать частью крупной компании.

Никита потерял покой. Периодически в нем поднимался протест и желание биться до последнего, однако здоровый расчет возвращал его к мысли о том, что с любой точки зрения слияние было наилучшим решением. И момент казался подходящим.

Очень скоро мысли Никиты материализовались. Не успел он озвучить новую стратегию вслух, как одно за другим получил два предложения о вхождении в международные сети с поэтапной продажей агентства. Скрепя сердце, после упорного торга одно из предложений Никита принял. По условиям контракта еще некоторое время он продолжал возглавлять компанию, обеспечивая плавный переход управления к новым владельцам. Этот период стал для него убийственным испытанием.

– Что ты мучаешься? – Жена не понимала. – Ты же сам говорил, что слияние – самый правильный вариант. И условий ты добился выгодных.

Собственными руками Никита лепил из родного агентства то, что сам не готов был принять. Он не был подходящим человеком для работы в корпорации. Непредсказуемость и авантюризм, которые помогли Никите создать собственный бизнес, не позволяли стать частью огромной машины. Его сотрудники восприняли перемены по-разному. За исключением самых близких соратников, никто не осмеливался обсуждать его решение открыто. Зато взгляды, которые Никита ловил в офисных коридорах, отражали весь спектр возможных реакций – от горькой укоризны до открытого ликования. Защищаясь, он отключил эмоции, а вместе с ними замерли чувства и желания. Он не мог говорить об этом ни с кем, даже с женой. И терпел свою боль в одиночку.

Шло время. Переходный период подходил к концу, одновременно на Никиту надвигался очередной день рождения. Обычно они отмечали его изобретательно и шумно, а в этот раз обстоятельства были особые: ему исполнялось сорок пять. Друзья и родственники ожидали большого банкета, достойного такой даты.

– Я не хочу праздновать день рождения в этом году, – вдруг заявил Никита жене. – Не хочу гостей.

– Давай уедем во Францию, – предложила Ольга, всерьез обеспокоенная его полумертвым состоянием. – Развеешься. Покатаешься по окрестным деревням, как ты любишь.

Идея внеочередной поездки на юг Франции, хотя и не вызвала душевного подъема, показалась Никите неплохой альтернативой натужному торжеству.

– Только, чур, я не участвую в вечерних променадах и не тусуюсь с твоими подругами, – предупредил он.

– Делай что хочешь, – опрометчиво разрешила жена.

Окрестности Ниццы давно были изучены им вдоль и поперек. В поисках новых впечатлений в тот раз Никита уехал гораздо дальше обычного. Бродя по улицам провинциального городка, он зачем-то остановился около витрины агентства недвижимости и принялся читать вывешенные на стекле объявления. Неизвестно почему информация о старинном доме в деревне Лантерн запала ему в сердце. Он записал контактный номер телефона и уехал.

Спустя несколько дней Никита позвонил в агентство. И с этого момента все покатилося как будто само собой. Он съездил в Лантерн и, вернувшись, объявил жене, что покупает дом. В течение нескольких дней Ольга утешала себя тем, что это просто блажь. Но блажь не прошла. А в день своего сорокапятилетия Никита внес задаток.

Желание купить дом было первым шевелением жизни после долгих месяцев безразличия. Именно поэтому Никита принял решение не колеблясь, вопреки протестам жены. Ее уговоры и даже слезы ничего не изменили, однако их ядовитый след отравлял радость Никиты.

– Эгоист! Ты всегда все делаешь по-своему!

В последнее время он слышал этот упрек с раздражающим постоянством.

– Ты что, собрался эмигрировать? – Это был еще один надеждливый мотив. – Я ни за что не уеду из Москвы!

– Я тоже не собираюсь уезжать навсегда! С чего ты взяла?

Слово «эмиграция» почему-то коробило Никиту.

Он не осуждал тех, кто покидал страну, но свою красиво обставленную попытку сбежать от реальности эмиграцией не признавал:

– Считай, что это дача! Приют в теплых краях, где молочные реки и кисельные берега. Да, мир таков не для всех, а только для тех, кто сумел заработать кое-какие деньги. И этим обстоятельством я намерен воспользоваться!

Подобные аргументы звучали чванливо даже для самого Никиты, а Ольге они казались просто отвратительными. Но, как часто бывает, безрезультатные споры выносили на поверхность запретные мысли, которые в нормальных обстоятельствах не имели шанса быть произнесенными вслух.

– Да, я всегда все делаю по-своему! Да, я эгоист! – запальчиво сказал Никита пустому стулу напротив, будто здесь, за столом на его французской кухне, сидела жена. – Мне нужен источник радости. Иначе свихнусь.

Продолжая мысленно препираться с Ольгой, он откладывал то, что хотел сделать больше всего. Никита представлял себе эту минуту много раз. Пока тянулось оформление документов на покупку дома. Пока он собирался, до последнего надеясь, что Ольга поедет с ним. Пока пытался договориться о новом, компромиссном, формате летнего отдыха – для нее и для Алекса, их взрослого сына. Он предвкушал этот момент во время перелета из Москвы в Тулузу, с ночной пересадкой в Мюнхене, а затем по дороге из аэропорта в Лантерн.

И вот он здесь. Оробевший и немного растерянный, Никита почувствовал потребность встряхнуться.

– Чего расселся? – вслух спросил он сам себя. – Иди, принимай владения.

Он решительно встал. Открыл дверь из кухни в полутемную гостиную. Прошел сквозь огромную пустую комнату. Повозился с оконными замками, раскрыл высокие створки двух французских окон с деревянными переплетами, раздвинул ставни и сделал шаг на балкон.

Вот оно! Прямо перед ним с головокружительной высоты открывался вид на холмистую долину, которая тянулась на десятки километров до самого горизонта. Пологие склоны волнами расходились вправо и влево. Среди разноцветных полей и виноградников кое-где группами или по одному стояли домики. У ног Никиты, под балконом, по крутому боку холма вилась вниз узкая улица. Он видел серые от времени и мха черепичные крыши в нижней части деревни. Все пространство между ними заполняла яркая южная зелень. Над крышами, деревьями и холмами синело небо. Несколько месяцев назад эта изумительная панорама приворожила его с первого взгляда, как женщина. Он хотел смотреть на нее. Упиваться ее красотой. Обладать ею. Ради нее Никита купил старинный дом в деревне на высоком холме. Он никому не смог бы объяснить свои чувства, но в эту минуту его сердце переполняло тихое счастье.

В V и IV веке до нашей эры племена храбрых и могучих воинов заселяли значительную часть территории современной Европы. Где были их корни, точно неизвестно – то ли к северу от Альп, то ли на далеком Востоке. Кланов было множество, но со временем у них появилось общее имя – кельты. Они не были дикими варварами. Кельты использовали греческий алфавит, выращивали зерно, разводили скот, ковали металл и создавали изделия из керамики, а для обороны своих поселений строили оппидумы – прямоугольные крепости из дерева и камня.

Два века спустя их земли были завоеваны войсками Римской республики. Из-за светлой кожи римляне называли кельтов галлами, от греческого слова «гала» – «молоко». А покорен-

ные провинции стали называться Галлией. По другой версии, свое имя галлы получили от латинского слова *Gallus* – «петух», из-за того что кельтские воины украшали боевые шлемы петушиными перьями.

Римляне отличались практичностью и не воевали без четкой цели. Захваченные земли должны были приносить им доход: производить зерно, поставлять древесину, металл или что-то еще, необходимое для нужд республики, а потом – империи. Иной причиной завоеваний могло служить только стратегически важное расположение новых владений.

Для быстрого перемещения немногочисленной армии и для безопасной перевозки товаров римляне проложили через всю Галлию несколько мощных каменных дорог. Первая из них, Домициева, тянулась вдоль берегов Средиземного моря и связывала территории современных Италии и Испании. Она проходила через средиземноморское поселение Нарбо. В этом порту, позже ставшем городом Нарбонна, брала начало другая дорога – Виа Аквитания. Она соединяла Нарбо с Атлантикой через территории, где сейчас располагаются французские города Тулуза и Бордо.

Когда-то одно из кельтских племен построило на высоком холме у реки оппидум. Спустя несколько веков оппидум превратился в наблюдательный пункт римской армии. Местный гарнизон контролировал перемещения торговых грузов на одном из ответвлений Виа Аквитания. Через тысячу двести лет, когда римлян в тех краях уже не было и в помине, холм привлек внимание графа Тулузского Раймонда V. Разумеется, тогдашний владелец безропотно подарил его графу для строительства замка. Огни на высокой вершине были хорошо видны со всех сторон. Благодаря этому замок и поселение вокруг получили название Лантерн, от латинского слова *lanterna* – «фонарь».

В Средние века город процветал, однако бурные события то и дело нарушали его покой. Инквизиция, английская оккупация, а позже религиозные войны и революции перемололи немало человеческих жизней и остались в его истории болезненными рубцами.

Потрясения остались в прошлом. Теперь деревня Лантерн входила в Ассоциацию «Самые красивые деревни Франции» и находилась под патронажем ЮНЕСКО. От средневекового замка остались только отдельные постройки. Она считалась типичным примером *бастиды* – укрепленного средневекового города.

Внешний ряд домов на восточной и южной стороне деревни выглядел естественным продолжением крутых склонов. Узкие здания из светло-серого камня были построены тесно, бок о бок. Их невероятно толстые стены некогда служили первой линией обороны города. Все вместе они составляли вырубленную из камня корону на вершине холма. Дом Никиты тоже стоял в этом плотном, неровном ряду. С мощной улочки три его этажа смотрелись скромно, но впечатление было обманчивым. Вход в гигантских размеров подвал с обратной стороны дома добавлял ему еще один этаж и делал строение непропорционально высоким. Со стороны долины, у основания стен, по верхней кромке холма вокруг домов была проложена узкая дорожка. На нее выходила наполовину застекленная дверь в подвал, над которой несколькими метрами выше нависал балкон гостиный. А на балконе уже битый час стоял зачарованный Никита, незаметно обгорая на солнце.

Чувство голода заставило его очнуться. По дороге из аэропорта он заехал в супермаркет на въезде в деревню, чтобы запастись чем-нибудь для завтрака и оглядеться. Ассортимент условно деревенского магазина сделал бы честь большому торговому центру.

– Голодать мне здесь не придется, любимая, даже не надейся взять меня измором, – проворчал Никита, продолжая мысленно препираться с женой.

Выпад был так себе. В очной схватке Ольга парировала бы его одним ироничным взглядом. Но тем и хорош заочный спор, что ты в нем всегда и безоговорочно прав.

Никита купил чай в пакетиках, багет, абрикосовый конфитюр, два сорта сыра, прозрачно нарезанную ветчину и пару пачек печенья. В отделе посуды выбрал три чашки, три тарелки и комплект столовых приборов. Все в расчете на семью: в любых обстоятельствах он верил в победу. Проходя мимо полок с винами, прихватил наугад пару бутылок красного. Более серьезные закупки решил сделать позже, когда прояснится план на ближайшие дни.

Сейчас, все еще стоя на балконе, Никита прислушался к себе. Мысль о бутербродах воодушевления не вызывала. Воображение рисовало столик под белой скатертью и полноценный обед.

– Кстати, который час?

Из-за стыковочного рейса и разницы часовых поясов он совершенно потерял счет времени и рисковал остаться без обеда.

– Это ж Франция! Война войной, а обед по расписанию.

Он был совершенно прав. Пропустив время ланча, до ужина он не смог бы найти в деревне открытый ресторан или кафе.

К счастью, часы показывали половину первого и еще оставался шанс успеть. Небольшая гостиница с рестораном на первом этаже находилась в нескольких минутах ходьбы вниз по склону. Полгода назад Никита обедал там вместе с агентом по недвижимости после финального осмотра дома.

Он вернулся в гостиную, оставив двери на балкон открытыми – хотелось, чтобы комната наполнилась запахами разогретой солнцем долины.

Никита включил холодильник, закинул в него ветчину и сыр и вышел из дома. Дверной замок, будто признав нового хозяина, закрылся без усилий.

На большой ключ от входной двери Никита обратил внимание еще при первом визите, когда ему впервые показали старый дом – в точности волшебный ключик из сказки про Буратино, только не золотой, а темный от времени и очень тяжелый. Сейчас его пришлось засунуть в карман джинсов. Ключ напоминал о себе при каждом шаге, высывая наружу круглые уши.

– Да, теперь без сумки из дома не выйдешь.

Последствия потери единственного экземпляра старинного ключа не сулили ничего хорошего.

Солнце жгло вовсю, но в тени было сносно – узкие улицы продувались сквознячком. Никита без труда нашел гостиницу. Он проехал мимо нее час назад по дороге из аэропорта.

После недолгого ожидания официант проводил его в зал – без этих церемоний его сочли бы невежей. Через несколько минут Никита сидел за накрытым белой скатертью столиком у окна, точно как в его голодных мечтах, и читал меню. Собственно, изучать было нечего. Предлагали три варианта комплексного обеда, которые различались только количеством блюд – бледная иллюзия выбора. Голодный Никита заказал максимально длинный список.

– Что будете пить? – мимоходом спросил официант.

Он, конечно, имел в виду вино. Стекланный графин с водой из-под крана появился на столе без лишних вопросов.

– Бокал красного домашнего вина, пожалуйста. – Никита решил не горячиться с алкоголем. На улице было слишком жарко.

После хрустящих салатных листьев со сладкими помидорами и тертой морковью на столе появилась маленькая фарфоровая супница с половником. Незатейливую домашнюю похлебку из крупно нарезанных овощей Никита встретил с восторгом. Он подливал себе добавки, пока не опустошил супницу, а заодно и плетеную корзинку с хлебом под белой льняной салфеткой. К говяжьему бифштексу и жареной стручковой фасоли Никита подошел более критично. Мясо оказалось жестковато. Это было типичное местное блюдо для ланча. Разве что вместо фасоли могли подать картошку фри, которую здесь на английский манер называли чипсами.

Никита размяк от еды и вина. Он привел в изумление официанта, отказавшись от послеобеденной чашки кофе.

– Вы не хотите кофе, месье?! – простодушно переспросил официант. – А что же тогда?

У месье были сложные отношения с кофеином. Никита завидовал жене, которая могла без последствий пить кофе в любое время суток.

После обеда ноги понесли его вверх по улице, вдоль витрин магазинчиков и зеленого козырька аптеки. Все двери были заперты. Время ланча.

– Ну и ладно, – проворчал он, сворачивая на крутую, узкую улочку, – пойду домой.

«Домой» применительно к этому месту пока звучало странно. Никита на ходу поднял голову, попытался глазами найти свои окна на самом верху и чуть не упал, споткнувшись о каменную ступеньку на тротуаре. Он нелепо взмахнул руками, спешно взял под контроль перекошенное паникой лицо и украдкой огляделся. Кажется, обошлось без свидетелей.

– Спокойно, старик! Франции не до тебя, Франция обедает!

Со стороны склона тротуар огораживала невысокая стена. Ее камни поросли серым мхом, а маленькие деревянные калитки, ведущие к расположенным ниже домам, побелели от времени. Никита осторожно присел на каменный заборчик и еще раз посмотрел вверх. Несмотря на нелепые пропорции, на его взгляд, с этого ракурса дом выглядел грандиозно. Никиту распирала гордость. Для полноты ощущений не хватало чьей-нибудь похвалы.

– Молодец! Твоя новая резиденция великолепна! – мрачно поздравил он себя. В отсутствие жены приходилось обходиться собственными силами.

Неторопливо преодолев оставшийся участок подъема, Никита завернул за угол и вынул из кармана волшебный ключ.

Дверной замок встретил его как родного.

Пару упоительных часов он провел, бродя по комнатам и пытаясь представить, как все это будет выглядеть через некоторое время. Прежние хозяева оставили дом в отличном состоянии. Никите нравилась рельефная каменная кладка под полупрозрачной белой краской и дубовые балки на потолке. Не глупая имитация, а настоящие неровные, темные от старости балки, на которых в самом деле лежали доски перекрытия верхних этажей. Ему нравились ручной работы грубоватые двери и громадные встроенные шкафы в кухне и во всех четырех спальнях. Он сразу решил не затевать глобальную перестройку. Разве что санузлы требовали косметического ремонта. А вот что делать с интерьером, Никита пока не имел представления. Творческие замыслы метались от стиля Прованс до элементов хай-тек.

Самые яркие эмоции вызывала гостиная. И не только из-за роскошного вида с балкона. Размеры комнаты производили впечатление даже на жителя мегаполиса. Дом был сильно вытянут в направлении от улицы к долине, на глаз его глубина составляла метров тридцать. Гостиная занимала всю ширину первого этажа, и его половину – в длину. В центре дома, отнимая угол гостиной, уходил вверх до самого чердака просторный проем. В нем разворачивались ступени и галереи широкой деревянной лестницы. Под нижним ее пролетом скрывался вход в подвал. Высота потолков в гостиной была под стать ее площади, никак не меньше четырех метров, а то и все пять. Глубокий камин у балкона, закопченный внутри, с мраморной полкой и чугунными подставками для дров выглядел рабочим. В той же стене, только ближе к кухне, угадывались следы еще одного камина. Его когда-то переделали в небольшой шкаф с двумя открытыми полками. Второй очаг указывал на то, что на месте гостиной в прежние времена размещались две комнаты.

Никита с Ольгой дважды меняли квартиру в Москве и каждый раз без особых метаний, а главное, быстро принимали решение об отделке и мебели. Конечно, в агентстве под рукой всегда были дизайнеры, которые с удовольствием делали для Никиты эскизы. Среди них не

было ни одного архитектора, зато они понимали его с полуслова. Достаточно было описать идею на словах, рисуя воображаемую картину руками в воздухе.

Кроме того, рядом всегда была жена. До сих пор Никита самонадеянно считал себя автором их неординарных московских интерьеров. И только сейчас начал понимать, что истинным вдохновителем и генератором идей была Ольга. Лишившись ее поддержки, Никита испытывал робость перед пятисотлетней историей этих стен.

– Сам справлюсь! – подбодрил он себя. – Пускай злится дальше. Ей же хуже. Все равно приедет – рано или поздно.

Мебели практически не было. Кроме полностью оборудованной кухни и объемных встроенных шкафов, прежние владельцы оставили две большие двуспальные кровати в комнатах на втором этаже. Спальни третьего этажа были пусты. Очень кстати в одном из шкафов лежали две подушки и одеяло в пластиковых пакетах с этикетками. Агент по недвижимости продемонстрировал их при осмотре дома и клятвенно обещал проследить, чтобы они никуда не исчезли. В чемодане Никиты лежала пара простыней, пара наволочек и пара полотенец. Сколько Ольга ни злилась из-за его отъезда, а об этом позаботилась. Минимальные бытовые удобства на первое время были обеспечены, а на большее он сейчас не претендовал.

Находившись вверх и вниз по лестницам, Никита с непривычки валился с ног. Все шло к тому, что до ужина он не дотянет, уснет где-нибудь на ступеньках между вторым и третьим этажами. К тому же воспоминания о плотном обеде еще не улетучились, он до сих пор был не голоден. Телесная усталость тянула его в постель, но внутреннее возбуждение и страсть к эффектам гнали вон из дома.

– Русские не сдаются, старик, – сказал Никита, с трудом отводя взгляд от еще не застеленной кровати, – великий день не может бездарно закончиться. Перед сном надо выйти в люди.

Он примерно помнил направление, в котором находилась центральная площадь. Учитывая размеры деревни, заблудиться было сложно, однако с первой попытки Никита все же промазал. Он наугад выбрал один из двух неотличимых друг от друга переулков и через несколько минут с досадой обнаружил себя на смотровой площадке с противоположной стороны холма. Затем сосредоточился, сориентировался по крыше церкви и вскоре оказался на месте.

Это была типичная площадь южной французской деревни. Маленькая, квадратная, с низкими полукруглыми арками в первых этажах домов. Церковь с одной стороны, туристический офис с другой. Средневековый антураж разнообразил арт-объект из бетона – творение столичного архитектора, сына одного из местных жителей. Современная скульптура площадь не украшала, зато являлась объектом повышенного внимания детей и туристов. Первые по ней с удовольствием лазали, вторые ее активно фотографировали.

На площади соседствовали ресторан, бар и кафе. Ресторан с наглухо запертой, давно не крашеной дверью выглядел заброшенным, зато два других заведения не могли пожаловаться на отсутствие посетителей. Никита не спеша пошел вокруг площади. Он, конечно, успел побывать здесь раньше, однако теперь смотрел на все совершенно другими глазами.

Несколько лет назад во всей исторической части Лантерн заменили мостовую. Красивая каменная кладка с аккуратными стоками для дождевой воды сделала деревню нарядной, как на иллюстрации в хорошей детской книжке. Здания, окружавшие площадь, были сложены из серого камня и покрыты выгоревшей черепицей, однако на этом их сходство заканчивалось. Разнокалиберные окна с цветными ставнями придавали каждому дому особое выражение: у одного физиономия была удивленная, у другого хмурая, у третьего глуповатая. Особенно выделялся домик с фахверковыми стенами второго и третьего этажей.

Невозможно равнодушно пройти мимо средневекового фахверкового домика. Один взгляд на него вызывает в памяти сказки о злых ведьмах, добрых волшебниках и драконах. Расцвет

фахверка в Европе пришелся на XIV–XV века, однако зародилась эта техника строительства несколькими столетиями раньше.

Вместо того чтобы возводить стены жилых домов полностью из дерева или камня, средневековые строители создавали каркас из бревен, которые для жесткости соединяли под разными углами. Получалась мощная деревянная рама из прямоугольников и треугольников. Пространство между бревнами заполняли глиной, кирпичами или деревянными брусками. При этом каркас оставался видимым снаружи. В результате фахверковый фасад представлял собой переплет из темных бревен с более светлыми, чаще всего оштукатуренными промежутками.

Здесь, на деревенской площади, единственный фахверковый фасад с цветочными ящиками под каждым окошком был зажат между соседними, чуть более высокими зданиями из серого камня. Казалось, что крепкие парни поддерживают под руки дряхлого телом, но все еще бодрого духом старичка.

Слева от сказочного домика располагалось музыкальное кафе. Никите оно не приглянулось: выглядело заведение затрапезно. Судя по самодельным афишам, висевшим у входа, именно здесь бился пульс ночной жизни деревни. С пятницы по воскресенье вечерами в кафе показывали кино и выступали местные и заезжие музыканты. А ведь в окружающих площадь старинных домах и сейчас жили люди. «Интересно, как у них там внутри? – подумал Никита, глядя на открытые окна. – И как им здесь спится под музыку по ночам?» Акустические эффекты в замкнутом каменном пространстве были ошеломляющими.

Оставалось заведение напротив церкви. Туда он и направился.

На улице свободных мест не оказалось, но это нисколько его не смутило. Было жарковато, и лицо все еще горело после долгого стояния на балконе. Никита уселся внутри, на сквознячке, за крайним от входа столиком.

Через минуту подошел приветливый полноватый бармен, скорее всего, хозяин.

– Добрый день! Что бы вы хотели выпить? – спросил бармен по-английски, безошибочно определив в Никите иностранца.

– Бонжур, месье. Рюмочку «Кира», пожалуйста. – На бытовом уровне Никита сносно владел английским, но сейчас, конечно, пустил в ход свой отличный французский. Бармен с довольной улыбкой слегка наклонил голову, отдавая должное не то его лингвистическим способностям, не то алкогольным предпочтениям.

Легкий аперитив «Кир» из белого сухого вина с черносмородиновым ликером «Крем де Кассис» приобрел известность во Франции и за ее пределами после Второй мировой войны. Священник Феликс Кир был героем Сопротивления, а после войны в течение двадцати лет оставался мэром Дижона и одним из пропагандистов идеи городов-побратимов. Принимая в мэрии многочисленные делегации, он предлагал гостям региональный коктейль «Блан-кассис» из белого сухого вина с добавлением ликера «Кассис де Дижон», который исторически производился в окрестностях города. Таким образом, предприимчивый мэр пропагандировал сразу два продукта местного производства – вино и ликер. Поскольку значительная часть запасов бургундских вин была конфискована фашистами, в ход шло вино не лучшего качества, и душистый ликер удачно скрывал его недостатки. Вначале право использовать свое имя в названии коктейля Феликс Кир предоставил только одному дижонскому производителю – дому Lejay-Legouite, который разливал коктейль в бутылки в готовом виде. В 1952 году этой компанией была зарегистрирована торговая марка Kir. Название прижилось. Позже появились альтернативные варианты коктейля, в которые входит не черносмородиновый ликер, а ежевичный или даже персиковый.

Никита намеренно заказал «Кир», чтобы продемонстрировать осведомленность и сократить дистанцию. План сработал. Улыбающийся бармен прихватил с соседнего столика пустые бокалы и направился к стойке.

Пока он звенел бутылками, Никита огляделся.

Бар выглядел неожиданно. В элементах ар-деко усматривались признаки культурного бунта: кого-то когда-то здорово достало Средневековье. В пике старинной кладке и дубовым балкам, заведение украсили хрустальными бра, затейливыми стегаными диванчиками и барными стульями с обивкой под зебру. Вальяжный интерьер многократно отражался в расчерченном на ромбы зеркале за барной стойкой. Рама зеркала была, пожалуй, самым роскошным предметом в баре – широкая, плоская, из благородного темного дерева и ажурного металла. «Неплохо, – подумал Никита. – Может, для моей гостиной такое подойдет? Хотя не знаю...»

От размышлений над стилевыми противоречиями его вскоре отвлекли крики снаружи.

Под каменными сводами галереи за двумя сдвинутыми столиками сидела шумная и уже нетрезвая кампания. Пятеро мужчин разного возраста в рабочих комбинезонах пили пиво. Они были с ног до головы покрыты строительной пылью и вряд ли мыли руки перед едой. Разговор шел на английском.

– Смотри, Дилан, твоя жена опять придет за тобой, как вчера, и будет тебя ругать, – ржал длинный худой человек с глазами навывкате.

– Пусть приезжает!

Далее, судя по всему, последовало красочное, полное нелестных эпитетов ругательство. В подкрепление своих слов Дилан вскочил с места и недвусмысленными жестами изобразил, что именно он сделает с женой, если она посмеет прервать их веселье.

Дилан был коренастый, с крупным лицом, на котором странно уживались пронзительно голубые глаза, конопатый нос пуговкой и длинный, массивный подбородок. Рыжеватые кудри довершали его портрет, никак не соответствующий представлению Никиты о типичном англичанине. Вел он себя очень самоуверенно, как главарь местной шайки.

– Это англичане? – тихо спросил Никита у подошедшего бармена, кивком указав на работу.

– Не совсем, месье, – ответил тот, ставя рюмку на картонный кружок. Под белым вином медленно расплывался густой смородиновый ликер. – Дилан – валлиец, он из Уэльса. Я не уверен насчет остальных. Кажется, двое – англичане, еще двое – голландцы. Прекрасный французский, месье. Откуда вы?

– Из России, – ответил Никита.

Он пристально посмотрел на хозяина бара, пытаясь понять, как тот воспримет новость.

Хозяин-бармен не выказал ни восторга, ни испуга:

– У нас бывают туристы из России. Но довольно редко.

И тут наступил звездный час Никиты Шереметева, новоиспеченного французского домовладельца.

Стараясь звучать как можно более естественно и непринужденно, он сказал:

– Я не турист, месье. Я купил дом в Лантерн. Только сегодня приехал.

Ему удалось произвести впечатление. Он знал, что русских среди постоянных жителей деревни не было. Процентом десять, если не пятнадцать, населения составляли англичане. Были еще бельгийцы, голландцы. Даже несколько американцев купили дома и приезжали летом на два-три месяца. Русские же в этой французской глубинке пока были в диковинку.

Бармен проявил живейший интерес:

– И какой именно дом, месье? В какой части деревни? Вы будете здесь жить или приезжать на лето?

– Наискосок от школы, на улице Гарриг, второй дом с краю. Пока я приехал в отпуск.

– Поздравляю, месье! Отличный выбор. Это очень хорошая деревня, – бармен внимательно посмотрел на Никиту, затем кивнул и направился к другому столику.

У Никиты осталось чувство, что тот хотел сказать что-то еще, но передумал.

Пьяный Дилан продолжал играть на публику. Он и пяти минут не мог усидеть на месте, все время вскакивал и жестикулировал. Его выкрики Никита понимал не полностью. Оставалось утешать себя тем, что дело в непривычном валлийском произношении.

Племена кельтов заселяли не только континентальную Европу, они жили и на Британских островах, и в Ирландии. Одно из тех племен положило начало истории современного Уэльса. Германцы называли выходцев из Уэльса валлийцами, что на их языке означало «иностранный». Современный валлийский язык произошел от одного из древних кельтских диалектов, что, несомненно, наложило отпечаток на произношение жителей Уэльса.

Дилан был первым валлийцем, которого Никита слышал вживую. Его пьяная речь лилась невнятным потоком, из которого Никита с трудом выуживал слова и фразы. Впрочем, этого было достаточно, чтобы понимать содержание разговора. Речь теперь шла о стройке.

– В следующий раз сброшу тебя с лесов, если будешь спать на работе, Олли. – Дилан крепко хлопнул по спине коротко стриженного молодого парня и отхлебнул темного пива. – Это бревно сегодня меня чуть не убило.

– Лучше бы убило. Ты бы сейчас так не орал.

Олли выглядел очень усталым. В противоположность Дилану он сидел почти неподвижно, прикрыв глаза.

– Надо было нанять больше людей для работы на крыше, – сердито добавил парень. – Огромное дубовое бревно невозможно удержать втроем, поэтому мы его и уронили. Скажи спасибо, что тебе не досталось по голове, как Эдварду два года назад. Кстати, мы до сих пор пользуемся его инструментами. Ты хотя бы расплатился со стариком?

– Не болтай, Оливер! – Похоже, новая тема неприятно задела Дилана. – Эдвард был старым занудой.

Ситуацию спас длинный с глазами навывкате, которого звали Кристофер.

Он вытянул руку над головой Дилана и крикнул:

– Я же говорил, что твоя жена придет за тобой! Вот и она!

Все пятеро развернулись в указанном направлении. Поскольку разговор шел на повышенных тонах, вместе с ними повернулись почти все посетители кафе, сидевшие за столиками снаружи.

– А-а, попались! Шутка! – снова загоготал Кристофер и мгновенно схлопотал оплеуху от разъяренного Дилана.

Это было уже чересчур для заполненной туристами респектабельной деревни.

Владелец заведения стремительно пронесся мимо Никиты на улицу, прорывав по дороге: «Пардон, месье!» Он подлетел к буйным строителям и тихо сказал им несколько слов. Эффект был поразительный – пятеро пьяных мужиков притихли и, как по команде, примирительно подняли ладони вверх.

– Чародей... – прошептал ошеломленный Никита.

Он уже приготовился стать свидетелем драки, но в этот раз, видимо, было не суждено.

Раздосадованный бармен остановился около столика Никиты.

– Они приходят почти каждый день, – извиняющимся тоном сказал он, – начиная с четырех часов. Обычно тихо напиваются и уходят. Кто-то домой, ужинать, а другие продолжают пить в баре внизу, на въезде в деревню. Иногда, как сегодня, шумят и распугивают посетителей. Но они оставляют здесь столько денег, что нет возможности им отказывать. К счастью, эти парни сторонятся жандармов.

– Понимаю вас. Месье..?

Никита улыбнулся и вопросительно взглянул на бармена.

– Пьер. Я хозяин этого кафе. Мы с женой купили его, когда я вышел на пенсию.

– Очень приятно. Меня зовут Никита. Я бы выпил еще рюмочку «Кира».

Несмотря на шумных соседей, он чувствовал себя превосходно. Уходить не хотелось. Он подумал, что ему нужен рабочий для мелкого ремонта. Однако пьяный Дилан с товарищами не вызывали доверия. Надо было искать кого-то другого. Никита решил спросить совета у Пьера, но не сейчас. Пока фронт работ был непонятен даже ему самому.

Он сонно наблюдал за публикой. Местные жители приходили выпить аперитив перед ужином. Туристы давали отдых ногам и наслаждались прелестным видом маленькой площади при неярком вечернем солнце. За столиками сидело несколько загорелых людей в шортах и массивных туристических ботинках. Рядом с ними, на мостовой, лежали рюкзаки и палки для скандинавской ходьбы. «Неужели путешествуют пешком?» – задумался Никита. В его голове идея такого способа передвижения никак не укладывалась. «Это ж сколько надо иметь свободного времени?» – изумился он. И тут же вспомнил, что у него в ближайшей перспективе времени хоть отбавляй.

Вторая порция коктейля была выпита. Никита заставил себя подняться, расплатился у стойки, пожелал Пьеру хорошего вечера и отправился домой. Подойдя к своей двери, он провел пальцами по металлической окантовке прорези для почты, сжал в руке внушительную скобу дверной ручки и поднял глаза к закрытым ставням верхних этажей. Этот довольно обычный по местным меркам старый дом казался ему королевским замком. И дело было вовсе не в размерах. Никита вошел внутрь и с удовольствием втянул носом уже знакомый уютный запах. Он прошел из прихожей прямо, в направлении гостиной и по дороге остановился у нижней ступеньки дубовой лестницы. Вверху было темно, но совсем не страшно. Для него, московского мальчишки, который отлично помнил жизнь в коммуналке, дом на вершине холма был воплощением детских фантазий. Чем-то из сказок и рыцарских романов. Это был его подарок. Королевский подарок самому себе. А еще точнее – попытка заполнить пустоту, на месте которой прежде была любимая работа.

Душа заняла, и на мгновение вернулась тоска, которая сопровождала его в течение последних нескольких месяцев.

– Не кисни, старик, – подбодрил он сам себя. – Классный дом, тебе опять повезло.

Не включая свет в гостиной, он подошел к открытой двери на балкон и встал на пороге. Прямо перед ним, на уровне глаз, мерцало звездное небо. Несмотря на поздний час, Ольга ответила на его звонок мгновенно.

– Бонжур, мадам, – интимно сказал он.

– Бонжур, – мадам по-прежнему была не в духе.

– Чем ты сегодня занималась? Алекс уже дома?

– Алекс полдня катался на велике, еле доплелся до кровати. Спит уже. У тебя все нормально? – дежурный вопрос вместо подробного рассказа о своих делах на ее языке означал: «Не притворяйся. Тебе нет до меня никакого дела, проклятый эгоист».

Пожалуй, это был первый случай за двадцать лет совместной жизни, когда они не сумели найти компромисс. Жена могла поворчать, могла посмеяться, но никогда не проявляла тупого упрямства, всегда шла навстречу его желаниям. И вдруг, закусив удила, она отказывалась принять даже свершившийся факт. Ольга ничего не требовала и не ставила условий – только отчаянно сопротивлялась, злилась и плакала. Никита не узнавал свою жену в этой капризной женщине и вины за собой не чувствовал. Он был уверен, что стоит ей приехать, и она полюбит дом и деревеньку на вершине холма. Вот только приезжать она не собиралась.

Он сделал вид, что не заметил сухого тона:

– Я в порядке, любимая, только дико устал и хочу спать. Здесь отличная погода и суп в ресторане подают в фарфоровой супнице. В доме прохладно и чудесно пахнет. Завтра начну вить гнездо к твоему приезду.

Жена выдержала длинную паузу, чтобы еще раз подчеркнуть отношение к происходящему, и ответила немного мягче:

– Аптека там есть, в твоей деревне? Я положила тебе аварийный запас лекарств, но мало ли что. И береги спину. – Сквозь холодный тон проступило беспокойство. Она отлично знала, что в вопросах здоровья, как и во многом другом, ее муж – законченный разгильдяй.

– Обещаю.

Очередной призыв приехать остался без ответа, а на новую порцию уговоров у Никиты не было сил.

Он счел за благо закончить вечер на мирной ноте:

– Спокойной ночи, Олюш. Завтра позвоню.

Никита закрыл двери на балкон и пошел наверх.

Из четырех спален он выбрал комнату над гостиной, на втором этаже. В ней тоже было два французских окна, для безопасности закрытых в нижней части чугунными решетками. Благодаря более высокой точке обзора, вид на долину отсюда открывался еще более роскошный, чем с балкона этажом ниже. Никите захотелось, проснувшись утром, первым делом увидеть небо, поэтому, вопреки местным обычаям, он с вечера открыл ставни и жалюзи между рамами.

Комната была огромная, с двумя встроенными шкафами циклопических размеров. Красивый мраморный камин с замурованным воздуховодом в простенке между ними выполнял декоративную функцию.

– В доме установлен хороший водяной котел. В каждой спальне есть радиаторы отопления, а на первом этаже – теплый пол, – объяснял Никите парень из агентства недвижимости. – Чтобы зимой в комнатах не тянуло холодом из каминных труб, их закрыли, а каминные порталы оставили в качестве украшения. Кроме камина в гостиной. Тот, конечно, работает, без него никак. Вообще-то, здесь, на юге Франции, водяное отопление считается признаком роскоши. Многие старые дома до сих пор отапливаются исключительно каминами.

Никита застелил домашней простыней большую деревянную кровать. Прихватив из чемодана полотенце и сумку с принадлежностями для душа, он отправился в ванную.

Вправо от его двери шла широкая галерея с перилами. На подходе к следующему лестничному пролету темнела закрытая дверь другой спальни второго этажа. Внизу были видны ступени нижней части лестницы и коридор между прихожей и гостиной. С галереи вели еще три двери: в ванную, в котельную и в туалет. Никита в который раз критически оглядел ванную комнату. Казалось, здесь было все, что нужно: два умывальника вдоль стены, ванна и душевая кабина. Но все – от плитки на стенах до последнего крана – выглядело по-сиротски и требовало замены. Это была задача номер один, которую ему следовало решить до приезда жены. Никита знал, как Ольга чувствительна к таким деталям. Да он и сам ценил красоту в мелочах. Единственное, что неожиданно выделялось на общем безликом фоне – небольшая бронзовая люстра с тремя стеклянными плафонами в форме лилий. Очень красивая и, похоже, винтажная. Непонятно, каким чудом она уцелела после переезда прежних хозяев. Видимо, в ванной чаще пользовались настенными светильниками и о люстре просто забыли.

– Выглядит вызывающе. То, что надо! – сказал Никита удовлетворенно.

Душ отнял у него последние силы. Он свалился в постель и только успел подумать: «Интересно, кто жил здесь раньше?»

Потом Никита не мог вспомнить, как скоро ему начал сниться удивительный сон: сразу или уже под утро. Первая странность заключалась в том, что снов до той ночи Никита не видел.

Или, по крайней мере, утром их совершенно не помнил. Во-вторых, он знал, что видит сон, продолжал спать и наблюдал за всем, включая себя самого во сне, как будто со стороны. И даже успевал удивляться.

Он стоял на пороге двери, ведущей в гостиную из коридора. За окнами было темно: вечер или ночь. Никита определенно находился в собственном доме, но знакомая комната не была такой пустой, какой он привык ее видеть. У стены справа возвышался огромный антикварный буфет. В простенке слева примостились рядышком два высоких плюшевых кресла. Еще левее, между дверью в кухню и камином, стоял красивый полированный стол с инкрустированной столешницей и шестью мягкими стульями. Ближе к балкону, напротив камина, почти в центре комнаты, расположились углом два больших дивана в бежевых чехлах. С потолка свисала массивная кованая люстра, сейчас не зажженная. Две фарфоровые настольные лампы с однотонными тканевыми абажурами в разных концах комнаты тоже были выключены. Свет давали только тлеющие в камине дрова и несколько зажженных свечей на столе.

В торце стола сидел пожилой мужчина с абсолютно белыми волосами. Сам не зная почему, на этот раз Никита не сомневался, что перед ним англичанин. Возможно, продолговатое худощавое лицо, широко расставленные светлые глаза под густыми бровями и тонкий рот олицетворяли для него портрет истинного британца. Во всяком случае, внешне мужчина казался полной противоположностью Дилану, который днем буянил в кафе. Ему могло быть лет семьдесят – семьдесят пять.

Вместо скатерти во всю длину роскошного стола протянулась узкая восточная дорожка из красной тафты с золотой тесьмой и кистями. Большой бокал и начатая бутылка красного вина стояли на цветных картонных кружочках. На дорожке из тафты выселись два подсвечника на три свечи каждый. Их неровный свет порождал двигающиеся по всей комнате тени и деликатно сглаживал глубокие морщины на лице англичанина. Тот ужинал в полной тишине. Молчал даже телевизор в углу.

Никита шевельнулся. Мужчина не отреагировал на его движение. Он закончил есть, аккуратно, как в ресторане, положил приборы на тарелку и взял бокал с вином.

Никита собрался с духом, сделал шаг в его сторону и сказал:

– Бонжур, месье.

По-прежнему никакой реакции. Мужчина не видел гостя, не слышал его, и более того – не подозревал о его присутствии.

Никита чувствовал себя не слишком уютно, однако происходящее его чрезвычайно интриговало. Он помахал руками, чтобы окончательно убедиться в своей невидимости, и осторожно начал осматривать комнату, периодически оборачиваясь к мужчине. Того можно было назвать стариком, но уважительное имя Дед шло ему значительно больше. Еще в ранней юности в Никите открылся талант придумывать людям несмыслимые прозвища. Они всегда рождались спонтанно и для многих друзей становились роднее имен.

Он остановился против буфета, который казался огромным даже в немалых масштабах гостиной. Дверцы его фасада покрывала прекрасная рельефная резьба. Точеные ножки верхней секции опирались на столешницу массивного основания. Поверхность столешницы заполняли безделушки и фотографии в рамках. Одно фото бросилось Никите в глаза. С него смотрела красивая девочка лет пяти, со светлыми кудрями и ямочками на щеках. Черно-белый снимок сделали, вероятно, очень давно. Рядом стояла современная цветная фотография двух молодых женщин. Они обнимались на фоне какого-то северного пейзажа, но не выглядели особенно счастливыми. Одна – высокая брюнетка с продолговатым лицом. Вторая – пониже, круглолицая кудрявая шатенка, лицо которой показалось Никите смутно знакомым...

Он так увлекся фотографиями, что на время забыл про Деда, тихо сидевшего у него за спиной. Неожиданно тот с шумом встал, взял тарелку и направился к двери в кухню. Никита дернулся от испуга, однако тут же вспомнил, что он в безопасности и все происходит во сне.

Любопытство повлекло его за Дедом.

На кухне все было практически так же, как днем, в реальности. Тот же вкусный запах, та же мебель, плита, холодильник и высокий шкаф с духовкой и микроволновой печкой. Имелись, конечно, всякие незнакомые мелочи вроде подставки для винных бутылок, плетеной корзины с овощами и фруктами на широком подоконнике и большого контейнера для мусора у двери в прихожую. При полном отсутствии занавесок освещенная кухня отлично просматривалась с улицы, но Деда это не смущало. Вероятно, хозяйственная работа не казалась ему настолько сокровенным делом, чтобы ради него возиться со ставнями.

Никите представилась возможность получше рассмотреть нового знакомца. Тот оказался высоким и худощавым. Не исключено, что в молодые годы Дед был хорошим спортсменом – до сих пор оставался крепок в плечах, а в его крупных рабочих руках чувствовалась немалая сила. Он смотрелся очень молодо в синих джинсах, ботинках из нубука и мятой клетчатой рубашке с закатанными рукавами. Возраст выдавали только седина и лицо в морщинах.

– Хорошо, молодой человек, вот и все, – неожиданно сказал Дед приятным низким голосом, захлопнув дверцу посудомойки, – теперь можно немного посидеть у камина.

Уже во второй раз Никита подпрыгнул от неожиданности. Он решил, что приглашение было адресовано именно ему. Просто потому, что приглашать было больше некого. Однако Дед пошел вон из кухни, по-прежнему не обращая на него никакого внимания. Несмотря на выказанное пренебрежение, Никита покорно побрел за стариком в гостиную.

Походка у Деда была немного шаркающая, но, глядя на его прямую спину, Никита тоже подтянулся и расправил плечи. Тот включил настольную лампу на тумбочке у стены и задул свечи. Затем взял со стола бутылку с бокалом и направился к камину. Никита совсем запутался. Если его пригласили скоротать вечерок вместе, то где второй бокал? Странное гостеприимство! Дед аккуратно положил очередное полено на пылающие угли и с блаженным стоном опустился на диванные подушки. Бутылку он поставил на маленький столик, где для нее уже был заготовлен такой же цветной картонный кружок, как на столе.

– Только один бокал, молодой человек! – командным тоном приказал он.

Никита совсем растерялся. Один так один. Он вообще пока ни на что не претендовал. К чему такие строгости? И где его взять, этот чертов бокал? Он с надеждой оглянулся на буфет.

– Хотя какая разница, один бокал я выпью или десять? – грустно продолжил Дед. – Все равно никому нет до этого дела.

Ситуация начала проясняться. Дед был любителем поговорить с самим собой. Никита разделял его слабость – тоже находил себя приятным собеседником и обращался к себе не иначе как «старик». Фамильярное обращение в его устах звучало легкомысленно и на корню обесценивало проблему возраста, свойственную мужчинам, перевалившим сорокалетний рубеж. Так же неслучайно Дед величал себя «молодым человеком» – это давало ему возможность не думать о старости, которая, похоже, была одинокой.

Старик отхлебнул вина и снова затих, уставившись на языки пламени.

Поскольку дружеская вечеринка не задалась, Никита продолжил исследование гостиной. Простенки были увешаны гравюрами и карандашными рисунками разного размера. Графические работы смотрелись превосходно на фоне беленой старинной кладки. На них были женщины разных эпох: в строгих платьях и почти обнаженные, хрупкие и пышнотелые. Каждая – по-своему прекрасна.

Никита осмелел.

Он подошел к старику со спины, наклонился к его уху и доверительно сказал:

– Дед, я вижу – ты разбираешься. Девчонки шикарные!

Тот продолжал зачарованно смотреть на огонь. Никита поднял голову и увидел над камином красные туфли на шпильке, а еще выше – ноги в ажурных чулках. Красотка с осиной талией призывно подмигивала со стены, держа в руках баночку с джемом или с кремом для рук. Алое платишко обтягивало ее во всех смыслах выдающуюся грудь.

– О! Как это я пропустил такое?! – поразился Никита.

В прихожей его московской квартиры висела пара похожих рекламных постеров пятидесятых годов. Никита обожал этот жанр. Однако в гостиной Деда разбитная девица смотрелась вульгарно. Даже обнаженная модель на большом карандашном рисунке рядом, едва прикрытая уголком смятой простыни, и та выглядела целомудренней.

Никита снова наклонился к Деду и назидательно заметил:

– Эта подруга здесь лишняя. Неужели не видишь?

Он обнаглел от безнаказанности. Рука сама потянулась, чтобы похлопать Деда по плечу, но в последний момент замерла. Перспектива провалиться в бестелесный призрак пугала. Хотя, если подумать, коснуться живой плоти в данных обстоятельствах было бы еще страшнее.

Оставив Деда на время в покое, Никита пошел рассматривать обеденный стол. К сожалению, центральную часть мастерски выполненной инкрустации закрывала нелепая дорожка из красной тафты. Неизвестно, из какого путешествия привезли этот сувенир, но здесь он смотрелся еще более чужеродно, чем девица в красном рядом с превосходными рисунками и графюрами.

Роскошные резные стулья, похоже, прошли серьезную реставрацию. Мебельный лак сиял, однако чрезмерный блеск обесценивал старину. Обивка тоже была новая, из дешевого синтетического бархата, окончательно портившего впечатление. Неожиданные пятна безвкусицы на общем вполне гармоничном фоне кричали о противоречиях в характере Деда, и разжигали интерес Никиты. Кто же он такой, этот странный человек?

Несмотря на мелкие придирки, Никите нравился интерьер гостиной – простой и в то же время в меру буржуазный. Здесь был ответ на его терзания – именно таким он желал бы видеть свой дом. Ему хотелось запомнить все до мельчайших деталей. Оставалась одна проблема – наутро он мог все забыть!

Задремавший на диване Дед очнулся и обратился к себе с очередным вопросом:

– Ну что ж, молодой человек, какие у нас планы на завтра? – Он выдержал паузу. Видимо, второй его половине требовалось время, чтобы сформулировать ответ. – Утром выпьем кофе и пойдем работать, как всегда. В спальнях на третьем этаже осталось навесить двери и отрегулировать петли. И прикрутить бронзовые ручки, которые мы сняли со старых дверей и отчистили. Тогда спальни будут практически готовы. – Он выдержал долгую паузу. – Вот только для кого мы все это делаем?

Дед налил еще вина и одним махом выпил половину бокала.

Никита задумался: «Он все делает сам? Весь дом – своими руками?» Это представлялось невыносимым. Три этажа, огромный подвал и человек с крепкими рабочими руками. Трудолюбивый, упорный и одинокий.

– Сколько же времени у тебя ушло на это, Дед? – в смятении прошептал Никита.

Ему впервые стало жаль, что старик его не слышит. Поговорить с ним было бы интересно. «Хотя, наверное, все к лучшему. Вот бы он испугался, встретив меня ночью в собственном доме!»

Никита усмехнулся, вообразив панику Деда. Следом в голове мелькнуло: «Только это не его, а мой дом»

– Десять лет. Я потратил на этот дом почти десять лет, – заговорил Дед, глядя в уже пустой бокал. В который раз Никита был поражен – старик не мог слышать вопроса.

– Шутишь? Десять лет ремонтировать старый дом! Неужели не нашлось занятия интереснее?

Это казалось бредом даже во сне. Никита не мог представить себя на месте старика. Ему быстро надоел монотонный физический труд, поэтому идея рукотворного ремонта длиной в десятилетие привела его в ужас.

Сцена смахивала на спиритический видеосеанс. Впрочем, если Дед – реальный человек, он еще мог пребывать в добром здравии. Только где старик сейчас? Не в этом же доме!

Никита решил продолжить игру.

– Почему ты живешь один? У тебя есть семья? – теперь уже намеренно спросил он, осторожно присел в уголке второго дивана и стал ждать ответа.

Дед вздохнул, pokrutil головой, будто отгоняя тягостные мысли.

– Чего еще можно желать, когда у тебя есть две прелестные маленькие дочки? Ты заботишься о них. Сходишь с ума, когда они болеют. Радуетесь их успехам. Потом они вырастают, и однажды ты понимаешь, что ничего не знаешь об этих юных леди. Они влюбляются, становятся непредсказуемыми. Они просят денег, все больше денег. Это все, что им от тебя нужно. Они швыряются деньгами, как сухими листьями. Платя по тысяче фунтов, побрякушки по цене хорошей машины. Потом они чувствуют себя совсем взрослыми, затевают самостоятельные проекты, которые прогорают. И они во всем винят тебя, хотя теряют, в общем-то, твои деньги. А когда ты говоришь им: «Стоп, девочки» – они просто исчезают и перестают с тобой общаться. Все из-за денег. Их мать только подливает масла в огонь. Настраивает против тебя, чтобы сделать больно. Потому что считает, что ты и ей все еще что-то должен.

Голос Деда дрогнул и оборвался.

Он некоторое время молчал, потом продолжил уже спокойнее:

– Этот дом я купил тоже для них. Старшая, Джулия, нашла его и примчалась ко мне с горящими глазами. Ей очень понравился вид на долину. Я купил дом на ее имя, в качестве подарка.

Никита кивнул.

– Неудивительно. Я тоже купил этот вид на долину. И тоже в качестве подарка, только самому себе.

Дед продолжал:

– Дом был в ужасном состоянии. Французы вообще плохо следят за своими домами.

Старик поджал тонкие губы. Живя во Франции, он не потерял генетическую веру в британское превосходство.

– Тогда у меня был собственный дом в другой деревне, в тридцати километрах отсюда. Место тоже красивое, хотя не такое исключительное, как это. После покупки я принялся за ремонт. Конечно, я нанимал электрика и водопроводчика. И для тяжелых работ приглашал помощников. Но большую часть работы я сделал своими руками – времени у меня было хоть отбавляй. Иногда оставался здесь на ночь, чтобы не ездить каждый день по тридцать километров туда и обратно. В конце концов, продал свой дом и перебрался сюда. Ремонт стал моим главным делом. Я работал почти без выходных, день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Ни с кем не общался, за исключением дочерей. Они поначалу часто навещали меня. Тогда я был относительно счастлив.

Старик совсем загрустил. Никите стало совестно, что из праздного любопытства он заставил страдать и без того несчастного человека. Пока длился монолог, бутылка с вином опустела. Речь Деда утратила связность, по щекам текли слезы. «Не боец, – заключил Никита. – Здравая была мысль: один бокал, и все». Но вслух поучать старика остерегся.

Камин погас, а в комнате все равно было тепло: водяное отопление под плиточным полом уже заработало. Оно включалось на обогрев ночью, когда электричество становилось дешевле.

Никита подумал, что если коммуникации в доме прокладывал Дед, он был отличным инженером.

Продолжения истории не последовало. Старик спал, откинув голову на спинку дивана. Глядя на него, задремал и Никита.

Второй день

Первое, что он увидел следующим утром – пронзительно голубое небо. План сработал – солнце разбудило его, и это было лучшее пробуждение на свете. Он еще лежал в постели, блаженно глядя в окно, когда в голове всплыл вопрос: «Дед так и спит на диване?»

Но ведь дивана в доме не было!

Перед глазами замелькали картины из сна. Никита резко сел на кровати. Он вспомнил все в мельчайших деталях, как будто в реальности пережил эту встречу и действительно побывал в гостях в собственном доме. На мгновение он представил, что сейчас спустится вниз и застанет Деда на балконе с чашкой кофе в руке – старик из сна казался реальным человеком.

Некоторое время Никита сидел не шевелясь. Память восстанавливала грустные монологи Деда и его собственные хулиганские выходки – Никите становилось то горько и страшно, то весело и неловко.

Постепенно проявился фон ночных приключений: большая уютная комната, освещенная углями в камине и пламенем свечей на столе. Никита мысленно двигался по гостиной от одного предмета к другому, пересматривал рисунки и гравюры на стенах. И тут его осенило, что сон принес ему неожиданный, ценный бонус – он увидел и, главное, отлично запомнил готовое решение для интерьера. Больше ничего не надо было придумывать. Дед раскрыл формулу старого дома, и Никита с готовностью принял ее на вооружение.

Окрыленный, он вскочил с кровати и подошел к окну. Теперь, помимо неба, ему стали видны разбегающиеся в стороны холмы. Он вновь завис перед этой картиной, но тут же встряхнулся.

– Интересно, сколько часов вы еще проведете глядя вдаль, молодой человек? – как обычно, вслух спросил он. Засмеялся, вспомнив ночные разговоры Деда с самим собой, и пошел в ванную.

Он долго и тщательно, как учила жена, чистил зубы, одновременно смотрел по сторонам и составлял план ремонта. «Эх, жалко, Дед не показал ванную комнату, – подумал Никита, когда взгляд остановился на люстре. – Такая люстра была бы вполне в духе старого затейника».

Голод отвлек его от мыслей о старике. В животе урчало, и очень хотелось чаю.

В кухне все еще было темно. Процесс открывания ставен состоял из длинной цепочки действий. Никита по очереди отворил оба окна, раздвинул и закрепил специальными крюками ставни, для чего был вынужден по пояс высунуться на залитую утренним солнцем улицу. После этого вновь закрыл оконные створки и твердо решил без необходимости не трогать ставни.

Воду для чая пришлось греть в микроволновке в новой фаянсовой кружке, а электрический чайник возглавил виртуальный список первоочередных покупок. И с хлебом приключилась неприятность: хрустящий багет за сутки окаменел. Перспектива начать утро с поездки в супермаркет голодному Никите не улыбалась. Он обошелся пачкой печенья, сыром и абрикосовым конфитюром.

Мимо окон прошел человек, потом в прихожей что-то упало. Озадаченный Никита выглянул из кухни и увидел разлетевшиеся по полу конверты и цветные листочки – открытые ставни послужили сигналом для разносчика рекламы, который бросил листовки в щель для почты.

Никита вскипятил воду для второй чашки чая и принялся изучать, чем пытались завлечь его местные рекламодатели. Листовки были простые, без претензий на мощный креатив, зато информативные и весьма полезные. Супермаркет предлагал скидки на замороженное мясо, свежие фрукты и дачную мебель. Мэрия оповещала о празднике на деревенской площади в ближайшую субботу. Мобильный оператор рекламировал телефоны с предустановленными тарифами. Последний буклет оказался самым интересным. В нем шла речь о подключении

Интернета и спутникового телевидения. Телефон с французской сим-картой у Никиты имелся давно, а вот идея насчет спутниковой антенны до сих пор не приходила ему в голову. Потребности в телевизоре он не чувствовал, зато Интернет для более тесного общения с семьей был бы очень и очень полезен.

– Бонжур, чем я могу вам помочь? – Молодой женский голос на другом конце провода прозвучал неожиданно весело.

– Бонжур, мадам. Я хотел бы заказать установку антенны для телевидения и Интернета. – Никита с удовольствием подхватил настроение жизнерадостной спутниковой феи. – Сколько времени это займет?

– Ближайший возможный срок установки – через две недели.

Девушка, похоже, не считала двухнедельное ожидание проблемой, но Никиту такой ответ не устраивал. За время, пока он набирал номер телефона и ждал ответа, в его голове сложился, как ему казалось, беспрюигрышный план: они с женой ежедневно устраивают видеосеансы, он знакомит ее с домом, она стремительно отгаивает, не в силах устоять перед очарованием старых стен. Все просто. Он верил, что через две недели Ольга придет, хотя до последнего дня на все уговоры она отвечала твердым «нет».

Никита создал в воображении свою новую реальность и должен был немедленно приступить к ее воплощению. И в такой момент на его пути оказалась никуда не спешившая веселая француженка.

Препятствие Никиту раззадорило.

В его боевом арсенале хранилась сотня нестандартных способов преодоления трудностей.

– О нет! Я не выдержу две недели в разлуке с любимой женщиной! Мне срочно нужен Интернет! Мадмуазель, от вас зависит вся моя жизнь!

Неожиданный напор, любовная тема, драматическая интонация – у юной феи не было ни малейшего шанса.

Ошеломленная француженка пару секунд приходила в себя, а затем серьезно, без тени прежнего веселья, сказала:

– Назовите адрес, пожалуйста. Я посмотрю, что мы сможем для вас сделать. Лантерн? Подождите, пожалуйста, месье.

Несколько минут слышалось цоканье клавиатуры и неясные переговоры.

Затем в трубке вновь заискрился радостный голос:

– Вам очень повезло, месье. У нас запланирован монтаж оборудования в Лантерн послезавтра. Бригада может взять еще один заказ.

Фея выдержала победную паузу, а Никита охотно заполнил ее бурными восторгами и благодарностями. Потребовалось еще некоторое время для оформления заказа и уточнения технических деталей, после чего они сердечно распрощались, чрезвычайно довольные друг другом.

Способности к лицедейству часто выводили Никиту из сложных ситуаций, особенно когда дело касалось женщин. Он разыгрывал комедии или трагедии, в зависимости от требования момента, и мог растопить не только ледяное, но даже каменное сердце. Он удивлял, смешил, брал за живое и почти всегда добивался своего. Находил подход к усталым теткам в учреждениях и к напористым бизнесменшам на переговорах. Случались, конечно, проколы, когда объект манипуляций выходил из себя или поднимал его на смех, но Никита о таком искренне и безвозвратно забывал. Ольга прекрасно знала все его приемы, но и она всякий раз сдавалась, не в силах противостоять очередному спектаклю. Так было всегда, кроме случая с покупкой старого дома, когда ни шутки, ни серьезные разговоры не сломили ее сопротивления.

Пока Никита совмещал приятное с полезным, разыгрывая лирическую тему перед французской, в их московской квартире его жена не находила себе места.

Ольга до сих пор не могла поверить в то, что он уехал. Вызвал такси, взял чемодан, поцеловал ее, как ни в чем не бывало, и вышел за дверь.

«Я все сделала своими руками, – с горечью думала она. – Сама предложила поехать во Францию, опять отпустила слоняться одного неизвестно где. Хотя... что-то подобное все равно случилось бы. Раз ему потребовалась такая свобода...»

В голову лезли ужасные мысли.

«А может, он поехал не один? Может, с другой?..»

Рациональный ум возражал: «Он же до последнего звал тебя с собой. Нет там никакой женщины».

Следом захлестывало негодование: «Он ни с кем не считается! Использует меня как прислугу! И до сына ему нет никакого дела!»

Затем во всей чудовищной безысходности вставал вопрос: «Что теперь делать?..»

И так по кругу, отнимая силы и убивая надежду: «А вдруг он сейчас не один?.. Эгоист!.. Что же мне делать?..»

Адская воронка затягивала Ольгу все сильнее.

В противоположность жене, Никита находился в прекрасном расположении духа. Пора было браться за дело.

А любое дело, как известно, должно начинаться с плана.

Дорожная сумка по-прежнему валялась у двери в кухню. Он достал из нее планшет и расположился за столом. Лист под названием «Помывочная» заполнили краны, сантехника и эскизы стен для расчета количества керамической плитки. Дважды пришлось ходить на второй этаж, чтобы сделать замеры в ванной. Спальни третьего этажа он решил пока не трогать. За неимением рулетки Никита пользовался правой рукой как циркулем – между кончиками большого пальца и мизинца было ровно двадцать сантиметров.

Этот факт он установил случайно много лет назад, когда с ближайшими соратниками обмывал в офисе агентства выигранный тендер. На третьей бутылке коньяка начался традиционный в таких случаях турнир по армрестлингу. Как обычно, всех победил двухметровый Паша, директор по работе с клиентами, которого со времен баскетбольной юности неоригинально звали Малышом. В его чудовищного размера пятерне терялась рука любого соперника.

Неизвестно, кому первому пришла в голову мысль снять мерки с малышовой ладони, но вслед за этим пьяного Пашу уложили на пол и измерили в мельчайших подробностях с ног до головы. Он, надо отметить, нисколько не возражал, а был даже польщен всеобщим вниманием к своему долговязому телу. Потом все принялись обмерять себя и друг друга. Коллеги Никиты были людьми довольно образованными, поэтому сверяли полученные данные с пропорциями витрувианского человека Леонардо да Винчи, пытались найти в результатах замеров новые соответствия золотому сечению и одновременно ржали до слез над замечаниями Малыша, которые носили преимущественно эротический характер. В угаре той ночи Никита, как и все, что-то измерял и подсчитывал, пил коньяк, смеялся и, как позже выяснилось, запомнил одно полезное число – двадцать сантиметров между мизинцем и большим пальцем правой руки.

Римский архитектор и ученый-энциклопедист Витрувий (Vitruvius) жил в I веке до нашей эры и в ту пору знаменитостью не был. Зато пятнадцать веков спустя, в эпоху Возрождения, его трактат «Десять книг об архитектуре» дал толчок для повторного открытия математических закономерностей в пропорциях человеческого тела.

Витрувианский человек – знаменитый рисунок Леонардо да Винчи. Он был создан в качестве иллюстрации к книге, посвященной работам Витрувия. Изображение фигуры обнаженного мужчины, вписанной в круг и квадрат, с различными положениями рук и ног, великий Леонардо сопроводил описанием канонических пропорций человеческого тела по Витрувию: к примеру, античный мыслитель утверждал, что рост человека равен размаху его рук и составляет длину четырех его локтей или двадцать четыре длины ладони. И так далее, всего семнадцать формул. Леонардо да Винчи развил идеи Витрувия и применил понятие золотого сечения к строению человека: «Если мы человеческую фигуру – самое совершенное творение Вселенной – перевяжем поясом и отмерим потом расстояние от пояса до ступней, то эта величина будет относиться к расстоянию от того же пояса до макушки, как весь рост человека относится к длине от пояса до ступней».

Существует мнение, что в среднем мужская фигура ближе к золотому сечению, чем женская, однако в реальности пропорции большинства человеческих тел, конечно же, не совпадают с математическим идеалом.

Закончив с ванной, на втором листе, в таблице под заголовком «Гостиная», Никита переписал всю мебель и интерьерные штучки, которые помнил из сна. К его радости, это оказалось несложно.

Третий лист назывался «Разное». В него вошел расширенный список продуктов, а также кухонная утварь, которая пришла на ум, включая электрический чайник, бумажные полотенца и салфетки.

Приоритеты определились в два счета. Никита жаждал быстрого результата, поэтому сантехнику отложил до тех пор, когда найдется рабочий для ремонта ванной.

– Они должны где-то купить мебель. Где?

За неимением Интернета имело смысл поговорить с кем-нибудь из местных, например, с соседями или с Пьером, владельцем бара на площади.

Никита поставил планшет на зарядку, вышел на пустынную улицу и только в этот момент понял, что для визита к соседям слишком рано. И бар, скорее всего, был еще закрыт, хотя последнее предположение следовало проверить.

Утреннее солнце не успело раскалить дома и мостовую, из тенистых углов тянуло ночной прохладой – идти по солнечной стороне улицы было одно удовольствие. На площади ему встретилось несколько туристов, фотографировавших фахверковый домик, церковь и бетонный арт-объект. Разумеется, питейные заведения еще не работали. Открыт был только туристический офис. Туда Никита и нацелился.

– Почему бы и нет? – подбодрил он себя, переступая порог. – Им не привыкать к странным вопросам.

В небольшом зале было тесновато от стеллажей с книгами, буклетами и сувенирами. Около одного из них пожилой мужчина с серьезным лицом перебирал магниты для холодильника с гербом Лантерн.

При виде Никиты миниатюрная девушка за стойкой обворожительно улыбнулась.

– Бонжур! Чем я могу вам помочь?

– Бонжур! Я уверен, вы знаете все, поэтому надеюсь, что вы меня спасете. – Никита облокотился о стойку, аккуратно начиная устанавливать контакт. – Я не турист. Я недавно купил здесь дом и теперь мне нужна мебель. Вы живете неподалеку? Куда бы вы поехали на моем месте?

– Я живу в Каоре. – Удивить сотрудницу туристического офиса и вправду было сложно. Ее прекрасное лицо оставалось приветливым и безмятежным. – Все зависит от того, какая мебель вам нужна, месье.

Примерно в ста километрах к северу от территории современной Тулузы в кельтскую эпоху жили кадурки (Cadurci) – древнее племя, которое упоминается в описаниях Юлия Цезаря. Их земли назывались Cadurcinum. Позже название трансформировалось в Saturcinus, затем в Saerçi. От него родилось современное имя французского региона Quersy – Керси. Одно из своих укрепленных поселений, Divona Cadurcorum, кадурки посвятили богине священного источника Дивоне. В период владычества Римской империи на месте этих укреплений вырос город, который получил имя Cahors – Каор.

В Средние века Каор стал одним из крупнейших финансовых центров Европы, а в глазах католической церкви – олицетворением тяжкого греха, ростовщичества. В «Божественной комедии» Данте, в описании шестого круга Ада, рядом упомянуты два «греховных» города, Каор и Содом. Первый – как символ стяжательства, второй – как символ разврата. Но в то время Каор был известен не только банкирами и ломбардами. В Средневековье здесь находился университет, не менее знаменитый, чем университеты Парижа и Тулузы. А священный источник, которому когда-то поклонялись кельты, существует в окрестностях Каора до сих пор.

– Меня зовут Никита. А вас? – Это был следующий, более смелый шаг к сближению.

Специалист по туризму не смутилась и протянула сложенную лодочкой ладонь:

– Изабель.

Никита осторожно пожал тонкие пальцы, Он не рискнул поцеловать ее руку. При других обстоятельствах он именно так и поступил бы, но жест француженки выглядел очень деловым. С современными девушками приходилось вести себя осторожно, чтобы чрезмерная галантность не показалась попыткой домогательства. Было бы обидно из-за пустяка испортить хорошее начало.

– Мне нужен удобный диван, стол, стулья и большой буфет, желательно старинный. И еще – большая люстра и телевизор. И много красивых гравюр. Одним словом, у меня есть огромная пустая комната, из которой надо сделать уютную гостиную.

Никита широко улыбнулся. Утратив на мгновение безмятежность, Изабель в ответ дрогнула ресницами и порозовела.

Улыбка была смертельным оружием Никиты Шереметева. В ней светились теплота и понимание, искренняя заинтересованность и юношеский восторг. Она заставляла женщин забывать предубеждения и обиды, сбивала их с толку и лишала воли.

Природа наделила Никиту ничем не примечательной внешностью среднестатистического славянина и не слишком высоким ростом. Несмотря на это, с ранней юности он пользовался исключительным успехом у девушек. Зрелые годы сделали его лишь интереснее – нахальный взгляд теперь подкрепляли очевидные свидетельства жизненного успеха. Нерегулярных занятий в спортзале Никите хватало, чтобы держать в тонусе поджарый живот и крепкую спину. Даже с таким минимальным набором он мог собирать урожай заинтересованных женских взглядов в любых обстоятельствах. Но улыбка, подкупающая и в то же время бессовестная, озаряла его лицо таким магическим светом, который заставлял женские сердца рваться в клочья. Пользуясь этой властью, Никита получал желаемое и двигался дальше. А позади очередная жертва оставалась баюкать воспоминание о мужчине ее мечты, который опять прошел мимо.

– На въезде в Каор есть торговый центр, а в нем – несколько мебельных салонов. Думаю, там вы найдете диван и, может быть, что-то еще для гостиной. – Изабель привычным движением развернула карту и отметила кружком место, где находился торговый центр. – Кажется, там есть и люстры, и телевизоры. Если вас интересуют винтажная мебель, дешевле всего поку-

пать на аукционах. Только имейте в виду – чем крупнее город, тем выше цены. Если не охотитесь за музейными экспонатами, можно попытаться счастья на деревенских аукционах. Там встречаются исключительно интересные вещи за очень разумные деньги. Или другой вариант – антикварные магазины. Если нет опыта, такой путь гораздо практичнее.

Все это было сказано плавно, без запинки, как будто помощь в поисках винтажной мебели входила в круг ее ежедневных обязанностей. Девушка уже справилась со смущением и вернулась к привычной роли.

Никита был поражен. Он и не мечтал получить с первой попытки такую развернутую консультацию.

– Мерси, Изабель! Вы необыкновенная! Вы работаете здесь каждый день? – Нечаянное знакомство стоило закрепить.

– Я здесь пять дней в неделю, но график меняется.

– Отлично! И последний вопрос. Может быть, вы знаете, где в ближайшее время планируются аукционы?

– Не знаю, но могу выяснить. Зайдите завтра утром, Никита. До свидания, – тем же ровным тоном сказала Изабель и обратилась к пожилому мужчине. Тот уже некоторое время стоял за спиной Никиты с сувенирным магнитиком в руке. – Прошу вас, месье.

– До свидания, Изабель. Благодарю вас. – Он шутливо поклонился терпеливому французу.

Никита ликовал. Все складывалось удачно.

Пока он любезничал с новой знакомой, на площади прибавилось народу. Никита направился было в сторону дома, но его перехватила пара молодых французов.

– Не могли бы вы нас сфотографировать? – Парень держал в руках приличную фотокамеру. – Надо только нажать вот на эту кнопку.

– Конечно! С удовольствием!

Никита терпеть не мог фотографии в стиле «это мы – на фоне – чего бы то ни было» и в другое время постарался бы увернуться от подобной просьбы. Но после разговора с Изабель он готов был простить миру его глупое несовершенство.

Никита взял в руки камеру и с трудом сдержал смех: на ней был установлен автоматический режим съемки. «Вот дикари! Стоило покупать хороший аппарат за такие деньги, чтобы снимать на автомате», – проворчал он про себя.

Парочка уже встала в позу: парень обнял подругу за талию, она прислонилась к его груди и подняла руку, изобразив двумя пальцами букву V. Оба сосредоточенно смотрели на Никиту явно в ожидании команды улыбнуться. А он залюбовался фахверковым фасадом за их спиной. Освещение было идеальным, без резких теней. Бурый каркас из старых балок, розоватые кирпичи, шершавые серые камни. Красная герань в цветочных ящиках, белая кошка на подоконнике. Красивый постановочный кадр.

Картинку портил лишний элемент – на переднем плане изнывала парочка в ожидании съемки. По их унылому виду Никита понял, что пауза затянулась. Он крикнул: «Ч-и-и-з» – и нажал на кнопку. Парень и девушка принялись озираться в поисках следующего достойного объекта, однако человеколюбие Никиты имело пределы. Он поспешно вернул фотоаппарат разочарованным туристам и помчался домой. Эти ребята нечаянно, но к стати напомнили, что в его дорожной сумке лежала камера ничуть не хуже, чем у них.

Желание фотографировать обострилось у Никиты в моменты эмоционального подъема. Он делал сотни, тысячи снимков, и затем большую часть самокритично удалял. Понемногу, даже несмотря на строгий отбор, у него образовался обширный фотобанк, к которому он никого не подпускал.

Никита вернулся домой и вскоре снова вышел на улицу, упакованный самым необходимым. В сумке лежала фотокамера и к ней пара объективов, а еще планшет, навигатор, мобильный телефон, портмоне, карта региона с пометкой Изабель, и в отдельном кармашке – ушастый ключ от входной двери.

К выезду из деревни Никита пробирался на машине очень медленно. Многочисленные царапины на углах домов служили недвусмысленным предупреждением неопытному водителю, не имеющему сноровки для езды по тесным переулкам. Так же аккуратно он преодолел крутые повороты на спуске с холма. Дальше дело пошло веселее.

Навигатор вел Никиту по пустому шоссе между холмами. Он ехал не спеша, с открытыми окнами, наслаждался ароматным ветром и поглядывал по сторонам. Виноградники сменялись фруктовыми фермами и полями подсолнухов. Через некоторое время извилистая дорога начала уходить вверх, все выше и выше. Вокруг появился лес, запахи стали гуще. Редкие встречные машины проносились мимо по серпантину с такой скоростью, что душа Никиты норовила расстаться с телом. То и дело на поворотах открывались умопомрачительные виды, но вместо того, чтобы припарковаться и расчехлить фотокамеру, он лишь восхищенно вздыхал. Уж очень небезопасными казались крошечные площадки для остановки на краю обрыва.

– В другой раз, старик, – примиряюще повторял он себе, – все только начинается.

Дорога опять спустилась в долину. С правой стороны, на макушке одного из холмов, показался небольшой городок с высокой башней в центре.

Никита миновал дорожный указатель с названием городка – Монкюк. Вообще, по-французски правильно было бы читать «монкю», что на слух звучало смешно и не слишком прилично – «моя задница». В действительности же город назывался Монкюк, что на окситанском языке означало «гора, высота». По другой версии, название имело латинское происхождение и переводилось как «кукушкина гора». Никита посмеялся про себя над топографическим каламбуром и проследовал дальше.

Окситанские диалекты были распространены на территории современной Южной Франции, Каталонии, Монако и в некоторых регионах Северной Италии. В наши дни на них говорят около двух миллионов человек. А в Средние века окситанский был языком трубадуров – поэтов-певцов, произведения которых распространялись практически по всей Европе.

Через полчаса Никита подъехал к большому торговому центру в окрестностях Каора, отмеченному на карте рукой Изабель.

Он быстро нашел несколько мебельных салонов, которые, к его великой радости, располагались на одном этаже. Образцов в них было выставлено немного. Никита с трудом вытерпел подробный просмотр каталогов в первом салоне. В следующем он с порога озадачил консультантов перечнем того, что искал. Несмотря на все старания, им не удалось его заинтересовать.

Раздосадованный Никита заглянул в третий магазин, и там – о чудо! – прямо напротив входа стоял диван из его сна. Большой, старомодный, с чехлами цвета кофе с молоком. Никита ворвался внутрь, мгновенно взял в оборот пухлую брюнетку-продавщицу и через несколько минут уже сидел в кресле с чашкой кофе в руках.

Такого клиента здесь еще не видели. Он наотрез отказался смотреть буклеты, купил диван прямо из торгового зала и потребовал, чтобы покупку доставили через день – ни раньше, ни позже. Более того, он оплатил второй такой же диван, хранившийся на складе. Брюнетка не верила своему счастью: модель была дорогая и не слишком популярная.

Пока продавщица оформляла заказ и оплату, Никита пристроил чашку с нетронутым кофе за монитором компьютера и принялся ощупывать кресло под собой. Оно было потрясающе удобным. Хотелось пристроить голову в изгибе высокой спинки, прикрыть глаза и для полноты удовольствия вытянуть ноги.

– Есть ли у вас подходящая скамейка для ног к этому креслу, мадам? Я бы и его с удовольствием купил.

Брюнетка схватила за каталог:

– Это кресло для посетителей, оно не продается, месье. Но я могу подобрать вам что-нибудь похожее, и скамеечку тоже.

– Нет, спасибо, мадам, не сегодня.

Никита не собирался задерживаться, азарт гнал его дальше.

Уходя, сам не зная зачем, он спросил:

– А диваны, которые я купил, раскладываются?

Продавщица несколько секунд молча смотрела на Никиту. «Сумасшедший иностранец! – было написано на ее лице. – А сначала показался симпатичным... Покупает за бешеные деньги допотопный диван, да еще второй такой же... Пытается купить кресло для посетителей... А теперь задает идиотский вопрос: раскладываются ли *эти* диваны?»

Как бы там ни было, вопрос клиента требовал ответа:

– К сожалению, нет, не раскладываются. Это дорогие диваны для гостиной, месье. На них не спят. Здесь, во Франции, люди предпочитают спать в кроватях. – Брюнетка разочаровалась в Никите, однако в ее глазах он все еще оставался перспективным покупателем. – Если хотите, я могу предложить замечательные кровати... На выбор...

Никита отказался от кроватей, попрощался и вышел.

– Понимала бы ты что-нибудь в диванах! – проворчал он беззлобно.

Пятнадцать лет назад первой вещью, которую Никита с Ольгой купили для своей первой квартиры, был диван. Он занимал почти половину их единственной комнаты, и на нем молодая семья проводила большую часть совместной жизни. На диване они не только спали. На нем ужинали, читали, смотрели кино, возились с маленьким Алексом и принимали гостей.

Через три года Никита смог купить жилье попроще. В новых интерьерах для старого дивана места не нашлось, и он был отправлен доживать век на родительскую дачу. Никита с Ольгой ночевали у родителей нечасто и заметили любопытную закономерность: на знакомом диване у них случались особенно бурные ночи.

По касательной прошелестела мысль: если бы Ольга была здесь, она изучила бы каталоги во всех мебельных салонах в округе и постаралась бы удержать его от спонтанных покупок. Ведь речь шла о серьезном предмете – мебели. Никита ощутил новый прилив эмоций, как мальчишка на празднике непослушания. Раз уж оставили ребенка без присмотра, пеняйте на себя.

Никита направился к магазину электроники, занимавшему половину второго этажа торгового центра.

На выбор телевизора ушли считанные минуты – пару месяцев назад он подарил точно такой же своей матери. Последним аккордом в стремительном шопинге стала телевизионная тумба.

Никита оформил доставку покупок на послезавтра, одновременно с диванами и спутниковой антенной.

– Придется денек посидеть дома. Надо подумать, чем себя занять.

Он попытался сосредоточиться на этой мысли и понял, что выдохся. Часы показывали время ланча. Никита настроил в навигаторе поиск парковок и помчался в сторону исторического центра Каора.

Река Лот огибает город Каор, образуя полуостров. В XIV веке к западу от города через реку был построен большой каменный мост Валентре. Он стал третьим городским мостом

(два более ранних не сохранились). Шесть готических арок и три высокие башни – из-за грандиозных для тех времен размеров и сложного инженерного решения этот мост стал в глазах обывателей дьявольским творением.

Легенда гласит, что архитектор, нанятый для строительства моста, заключил сделку с дьяволом, чтобы окончить строительство вовремя. В обмен на бессмертную душу архитектора дьявол пообещал стать его помощником. Но была оговорка: в случае отказа дьявола выполнить какую-либо работу контракт терял силу. В конце стройки архитектор ради спасения души решил воспользоваться лазейкой в договоре. Он дал дьяволу сито и велел натаскать воды. Дьявол понял, что его обвели вокруг пальца и ушел ни с чем. По другой версии, архитектор увильнул от расплаты, отказавшись уложить последний камень. Таким образом, строительство осталось незавершенным, а контракт с дьяволом – несостоявшимся.

При современной реконструкции моста в память об этой легенде на одной из башен появилась маленькая фигурка черта. Мост Валентре является объектом культурного наследия ЮНЕСКО.

Никита оставил машину на стоянке, нашел свободный столик на летней террасе ближайшего ресторана и, почти не глядя, заказал комплексный обед и бокал местного красного вина. Времени на капризы не оставалось: ланч приближался к концу. За соседним столиком две английские леди в годах вели неторопливую беседу. Возле них крутились чистенькие дворняги, по одной на каждую старушку. Собаки неотрывно следили глазами за движениями хозяек и, судя по их упитанным бокам, старались не впусую.

– Успокойся, Принцесса, ты и так толстая, – строго сказала своей рыжей собачке красивая, холеная дама лет семидесяти.

Через мгновение ее лицо расплылось в улыбке. Принцесса думала, что виляла хвостом, но в реальности ей приходилось комично извиваться всем бочкообразным телом, чтобы заставить хвост шевелиться. Самыми подвижными были лохматые уши, которые мгновенно реагировали на настроение хозяйки. Собака то с виноватым видом их прижимала, то радостно поднимала торчком, почуяв, что на нее не сердятся.

– Смотри, Тоби, твоя подруга Принцесса тоже на диете.

Вторая леди была постарше, хотя, как и ее собеседница, выглядела великолепно. Она нежно потрепала своего дряхлого пса по сутулой спине. Престарелый Тоби не очень интересовался Принцессой. Масляное печенье на блюде привлекало его куда больше. Он водил коричневым носом и подслеповато косился на хрупкие руки хозяйки, надеясь, что она все-таки сжадется над старым товарищем.

Но леди уже сменила тему:

– Ты поедешь в Англию на Рождество, Сильвия? Или останешься здесь, в пансионе?

– Пока не знаю, дорогая. Я бы очень хотела повидаться с внуками... Но, Эмили, ты же знаешь моего сына... Все будет так, как скажет его жена, а мы с ней не очень-то ладим.

Сухоньякая Эмили сочувственно вздохнула и покачала головой.

Никита задумался. Возможно, его мама тоже иногда говорила подругам нечто подобное. Не так больно называть сына подкаблучником, как признаваться, что он к тебе невнимателен.

Пользуясь тем, что хозяйка отвлеклась, предприимчивая Принцесса начала дрейфовать в сторону гамбургера на соседнем столике и беззастенчиво строить глазки пожилому джентльмену.

– Стыдись, Принцесса! Сидеть! – Кажется, в этот раз Сильвия рассердилась всерьез. – Извините, месье! Она такая попрошайка! – Это было сказано по-французски.

– О, ничего страшного. Она очень милая! – ответил мужчина по-английски. – Я люблю животных. В Англии у меня было три собаки и несколько кошек – целый зверинец. Но однажды

утром я проснулся и сказал себе: «Джон, на пенсии надо жить там, где много солнца». И я переехал сюда. Вы давно во Франции, мадам?

Пожилой джентльмен выказывал явное предпочтение красоте Сильвии.

Эмили поглядывала на них и сдержанно улыбалась, поглаживая Тоби.

Никита с восторгом наблюдал за флиртом пенсионеров. Седовласый ухажер разошелся – смеялся, тормошил собак и панибратски называл новых знакомых девочками.

Никита готов был поспорить, что старина Джон и пожилые английские леди принадлежали к разным социальным слоям. На родине их пути вряд ли могли пересечься, поэтому снисходительное внимание Эмили и Сильвии льстило простоватому Джону.

Из их разговора стало понятно, что англичанки жили в дорогих пансионах для пожилых людей, которых в здешних местах было довольно много. Раз в месяц дамы встречались, чтобы поболтать. Двусмысленно подмигнув, Джон сообщил Сильвии, что живет в собственном доме недалеко от Каора и в настоящий момент одинок. Дамы переглянулись и тут же попросили счет. Их кавалер попытался продолжить разговор, однако быстро понял, что упустил инициативу, и вернулся к недопитому бокалу.

Никита закончил обедать, но не перестал исподтишка подглядывать за Джоном. Тот не выглядел расстроенным, хотя пожилые леди демонстративно покинули ресторан, таща на поводках своих упирающихся питомцев. «Интересно, как повела бы себя с Джоном каждая из них в отдельности? – подумал Никита. – Его ухаживания были им явно приятны. Возможно, один на один у него было бы больше шансов. А может быть, он и не искал шансов. Может, хотел всего лишь поболтать и покрасоваться?»

Никита потягивал терпкое каорское вино и любовался его чернильным цветом. Он не взялся бы дать определение послевкусию. То ли фрукты, то ли пряности – откровенно говоря, он не был тонким ценителем. Просто это вино ему нравилось.

История виноградников в регионе Керси насчитывает более двух тысяч лет, и не всегда их судьба была счастливой. Римляне высадили здесь лозу раньше, чем где бы то ни было на территории современной Франции. Однако растущее население империи требовало все больше зерна, и со временем площади виноградников стали постепенно сокращаться. Только в III веке нашей эры римский император Пробус принял решение восстановить производство вина в регионе, чем завоевал вечную благодарность виноделов.

Во второй половине XIX века огромные площади виноградников во Франции были уничтожены насекомыми-вредителями. Менее чем через столетие, в 1956 году, необычайно морозная зима вновь нанесла урон виноградникам региона Керси, и производство «черного» вина Каора сократилось до минимума. С 1971 года началось восстановление винной славы региона. Однако до сих пор вина Каора непросто найти за пределами Франции: площадь местных виноградников составляет всего четыре тысячи гектаров.

«Черные» каорские вина поставлялись к русскому царскому двору. Говорят, Петр Первый считал вино из Каора отличным лекарством от язвы желудка. Название крепленого вина Кагор, которое используется в России в православных церковных обрядах, произошло от каорских вин, но его сладкий вкус не имеет с ними ничего общего. Буква h в названии Cahors, которая не произносится по правилам чтения французского языка, в русском языке получила звучание. Каорские вина привлекли священнослужителей прежде всего темно-красным цветом, символизирующим Кровь Христову и сохраняющимся даже после разведения водой. Однако православные больше привыкли к сладкому вкусу греческого вина, которое первоначально использовалось в церкви. Поэтому со временем, когда технологию производства вина освоили на юге России и в Молдавии, отечественный аналог стал заметно слаще французского эталона.

Никита не рискнул садиться за руль сразу после обеда, хотя один-два бокала вина во Франции вполне укладывались в разрешенные для водителей нормы. Он отлично помнил и серпантин по дороге в Каор, и узкие улочки Лантерн – не хотелось слишком напрягаться по дороге домой. Большинство магазинов было еще закрыто на ланч, поэтому он прихватил из машины фотокамеру и отправился на прогулку, выветривать хмель.

Городок оказался симпатичным. Никита неспешно брел по центральной улице, Бульвару Гамбетты, как вдруг инстинктивно отпрянул от непонятной железки под ногами. При ближайшем рассмотрении она оказалась плоской ракушкой из серого металла размером с ладонь, вмурованной в каменную кладку мостовой. Через сотню метров попала еще одна. Затем он увидел похожее изображение на керамическом медальоне у какой-то двери.

Никита достал фотоаппарат и сделал несколько снимков. «Это неспроста! – сказал он себе. – Завтра спрошу Изабель».

Изабель ведь из Каора... Никита попытался представить себе, в каком из окружающих домов могла бы жить эта необыкновенная девушка.

Как-то сам собой начался воображаемый разговор:

– Видишь, дорогая, окна на верхнем этаже? Оттуда наверняка прекрасный вид на бульвар. Платаны закрывают фасад от солнца, в квартире должно быть прохладно даже в жару. У этого окна ты могла бы стоять по утрам с чашкой кофе перед тем, как ехать к нам в Лантерн на работу. Хотя нет. Не подходит. На этой улице слишком много машин. Давай поищем что-нибудь получше.

Никита увлекся игрой. Он шел по бульвару, глазел по сторонам и мысленно беседовал с Изабель:

– Дорогая, а вот еще красивый дом в переулке справа, в стороне от бульвара. Нет, прости. Это место тебе тоже не подойдет. На первом этаже бар, здесь по вечерам шумно.

Он миновал еще пару кварталов и остановился напротив трехэтажного особняка с резной деревянной дверью, прекрасной лепниной на фасаде и арочными окнами. Внизу располагался безобидный офис мобильного оператора и агентство недвижимости, а на втором этаже, за ажурной решеткой большого балкона, выстроились в шеренгу горшки с круглыми вечнозелеными кустами.

– Вот этот подойдет! – обрадовался Никита.

Он представил себе Изабель на фоне развевающихся занавесок в проеме балконной двери и уже почти разместил рядом с ней себя самого в небрежной позе, одетого в льняные брюки и легкую рубашку. В этот момент на балконе появился старый, сторбленный человек с абсолютно белыми волосами. Он остановился между зелеными шарами растений и замер, глядя вниз, на тротуар. Старческие пальцы на перилах были похожи на крючковатые когти большой птицы, морщинистое лицо не выражало эмоций. Никита мгновенно забыл об Изабель. Старик выглядел существом, уже наполовину покинувшим этот мир, тенью себя самого. Легкомысленная атмосфера летнего дня лишь усиливала драматизм его согбенной фигуры.

Никита спрятался в тени платана и припал к видоискателю. Он старался не привлекать к себе внимания: ему не следовало фотографировать человека практически в упор без его согласия. Никита испытывал неловкость, тайком вторгаясь в чужую жизнь, но все же сделал несколько снимков. Уж очень перспективным казался сюжет.

Через несколько минут старик зашевелился, оторвал руки от перил, приветствуя кого-то, и зашаркал в дом. Никита едва успел разглядеть пожилую женщину, которая с усилием открыла богатую входную дверь особняка и скрылась внутри. Это могла быть жена, или даже дочь, или помощница по хозяйству, или сотрудница социальной службы – неважно. Было приятно думать, что старик встретился с той, которую ждал.

Тайная фотосессия разожгла творческий азарт. Никите требовалось продолжение.

Городские указатели повели его с бульвара в сторону средневековых кварталов. Он останавливался на каждом шагу, чтобы сделать снимок, хотя фотографировать в тесных улочках было сущим наказанием: то глубокая тень, то ослепительно яркое солнце, то припаркованные автомобили, то фонарные столбы. Городской кафедральный собор был так плотно зажат окружающими зданиями, что снять готические фасады не получилось даже специальным объективом. Удача поджидала внутри собора, который оказался неожиданно просторным. Никита застрял здесь минут на двадцать, снимая лучи света, которые били сквозь цветные витражные окна.

На пути домой он пребывал в благодушном настроении. Никита испытывал нежность к городку, подарившему столько приятных впечатлений всего за несколько часов. А возможно, дело было в том, что где-то здесь жила Изабель?

Солнце постепенно опускалось к вершинам холмов. Роскошные виды на крутых поворотах серпантина стали еще прекраснее в косых вечерних лучах. В этот раз Никита рискнул остановиться на узкой площадке у края дороги, над самым обрывом, и сделал несколько многообещающих снимков.

Супермаркет встретил его прохладой и богатым ассортиментом. С планшетником напечатав и списком под заголовком «Разное» он отправился в путь вдоль изобильных полок. Никита быстро справился с покупками, мимоходом очаровал кассиршу и совсем скоро уже открывал замок входной двери, который стал совсем ручным.

Он бросил пакеты из супермаркета посередине кухни, рядом с раскрытой дорожной сумкой и разлетевшимися по полу рекламными буклетами. Беспорядок ему не мешал. По крайней мере, пока.

Оказавшись наедине с собой, Никита почувствовал беспокойство и вспомнил, что за весь длинный день ни разу не позвонил жене.

Он вынес стул на балкон, уселся и задрал уставшие ноги на перила.

– Здравствуй, моя красавица.

Он старался, чтобы голос звучал как можно непринужденнее, но пару заискивающих нот все же пропустил.

– Привет, – буркнула Ольга. Она не собиралась ему подыгрывать.

Никита притворился, что не чувствует напряжения и начал рассказ о скором подключении Интернета, о живописной дороге в Каор и городке с неприличным названием, о покупке диванов и об английских пенсионерах. При других обстоятельствах уже через минуту Ольга хохотала бы вместе с ним и ругала бы за неразумные траты. Однако в этот раз она слушала его молча.

Без обратной связи монолог быстро завял.

– Как наш сын?

Никита на ходу сменил тему, но, судя по реакции жены, не слишком удачно.

– Наш сын?! – В голосе Ольги что-то звякнуло. – Ты правда хочешь знать, как дела у нашего сына? Тебя это действительно волнует?

Никита опешил. Он любил сына и готов был сделать для него все что угодно. По крайней мере, сам он думал именно так. В следующем году Алекс заканчивал выпускной класс и должен был ехать в Лондон. Никита сам выбрал для него университет, поскольку ребенок, по его мнению, не мог определиться самостоятельно.

Алекс учился хорошо, катался на горном велосипеде летом и на сноуборде зимой и, как сын, достойный своего отца, пользовался бешеным успехом у девушек. Как-то незаметно для Никиты Алекс окончил художественную школу. По всеобщему мнению, он неплохо рисовал. В последние годы Алекс не на шутку увлекся граффити, но отец не воспринимал его занятия

всерьез. Никита видел сына финансистом, и во имя этой идеи тот уже целый год безропотно занимался с репетитором математикой и совершенствовал английский.

Никита представлял сына свободным человеком, который в любой стране мира чувствует себя как дома. Наверное, подсознательно он хотел этого с того момента, когда узнал, что у него будет ребенок, потому с младенчества придумал для сына, названного Александром, универсальное имя Алекс. Только бабушка, мама Никиты, не приняла заморской манеры и, вопреки всем, звала внука Сашенькой.

– Конечно, меня волнует, как дела у нашего сына. Странный вопрос! – Робкая попытка возмутиться осталась незамеченной. – Что случилось, Олюш?

– Слава богу, пока ничего! Но нашему сыну плохо! Он ненавидит математику и не хочет уезжать в Англию. Он пытается заслужить твоё одобрение, поэтому делает все, как ты хочешь. А ты?! Ты ничего не видишь и не слышишь! Тебе ни до кого нет дела!

Ольга разрыдалась.

Пожалуй, впервые Никита испытал облегчение от слез жены. Она плакала крайне редко. Как всегда в подобных случаях, он разрывался от жалости, но плачущая Ольга была ему понятней, чем упрямая и непреклонная. Обычно Никита мог быстро ее успокоить: наговорить глупостей, растормошить, зацеловать и превратить проблему в очередную хохму. Благодаря этому они никогда надолго не ссорились. Но, во-первых, его метод не работал на расстоянии, а во-вторых, нынешняя ситуация кардинально отличалась от привычной размолвки.

Пришлось импровизировать.

– Олюш, пожалуйста, поговори со мной про Алекса! Я не понимаю. Мне казалось, мы с ним все решили и он доволен. Это же очень крутой университет, отличное образование!

– Вы решили?! Ты, как всегда, сам придумал историю и всем приказал в нее верить.

За Ольгой водилась склонность к обидным обобщениям. В другое время Никита поспорил бы насчет «всегда» и «приказал», но сейчас момент был неподходящий. В голосе жены все еще звучали слезы.

– Почему ты решила, что он не хочет ехать в Англию? Он сам тебе сказал?

– Практически под пытками – да, сказал. Он боится тебя разочаровать, поэтому подыгрывает, а сам страдает.

Рассказ о страданиях сына напомнил Ольге о собственных обидах, и она опять разрыдалась.

«Ну, вот опять!!!» – с досадой подумал Никита, а вслух потребовал, стараясь не терять тепло в голосе:

– Давай по порядку. Что стряслось?

– Я случайно увидела у него в комнате карандашный рисунок, гипсовую голову. Очень удивилась: понимаешь, художественной школы у него больше нет, гипсы рисовать незачем, а если вспомнить про его граффити, это было совсем непонятно. Спросила. Он заерзал, попытался увильнуть – как-то странно себя повел. Понимаешь, я забеспокоилась, хотя вроде бы предмет безобидный. Но если ребенок что-то скрывает, конечно, я волнуюсь.

Ольга постепенно успокаивалась, хотя продолжала хлюпать носом и говорила будто через силу. Никита хорошо представлял себе, как она выглядела в этот момент. От слез ее лицо покрывалось красными пятнами, а нос краснел, опухал и переставал дышать. Из ухоженной, уверенной в себе женщины Ольга превращалась в несчастную, некрасивую девочку. Иногда Никите казалось, что именно эта косметическая проблема была корнем Ольгиной бесконфликтности. Он цинично допускал, что она приучила себя избегать ссор, чтобы не расстраиваться и, значит, не плакать.

– Я приставала к Алексу, пока он не признался. Оказалось, он уже несколько месяцев берет уроки рисования у подружки твоей мамы. Помнишь Тамару Николаевну, соседку по даче? У них участок с соснами и дом с зеленой крышей? У нее еще дочь в Америке замуж вышла...

– Помню, помню... И что Алекс? – Никита аккуратно вернул разговор в потерянное русло.

– Тамара Николаевна – преподаватель рисования, профессионал, старая школа – сейчас на пенсии, но берет учеников. Алекс начал с ней заниматься еще весной, бабушка договорилась. Не спрашивай, на каких условиях, не знаю. Он клянется, что бесплатно. Рисует гипсы, натюрморты, параллельно читает книги по истории искусств, которые она ему рекомендует. Понятно, книг мы с тобой у него не видели – все есть в Интернете.

Никита был ошарашен, но мимоходом отметил сказанное женой «мы с тобой» и посчитал это хорошим знаком.

– Ты разговаривала с мамой? Почему она нам ничего не сказала? – По правде, Никита заранее знал, что услышит.

– С твоей мамой?! Конечно, нет!

Две самых близких для Никиты женщины много лет находились в состоянии тихой, подковой войны. Мама подозрительно отнеслась к Ольге с первой минуты и с годами еще больше укрепилась в своей нелюбви. Невестка была из провинции, слишком броская для приличной девушки, а главное, Никита влюбился в нее без памяти. Они встречались четыре года. Когда Ольга училась на последнем курсе, Никита сделал предложение, опустив предварительные консультации с родителями – просто поставил семью перед фактом предстоящей женитьбы. Мать смирилась, но не простила и, разумеется, во всем винила невестку. Даже после рождения обожаемого внука отношения не улучшились. Наоборот, появились дополнительные поводы для претензий. Ольга отвечала свекрови такой же искренней неприязнью и не прикладывала усилий, чтобы улучшить ситуацию. Патент на ее сговорчивость распространялся только на отношения с мужем.

– Хорошо, Олюш, я ей позвоню. Давай все-таки про Алекса. Что он говорит?

– Хочет быть креативным дизайнером и работать в рекламе. Хочет поступать в Художественно-промышленную академию и совершенно не рвется в Англию. Потом, после окончания учебы здесь, он поехал бы куда-нибудь продолжить образование, но это точно не экономика и не финансы.

В первый момент Никита готов был взорваться, но вовремя осекся – побоялся загубить слабые ростки примирения с женой.

Он выдержал паузу и как можно спокойнее спросил:

– Почему он мне ничего не сказал?

– Он уверен, что ты будешь против. Давно выучил наизусть все твои аргументы. Ты же сто раз говорил, что работа в рекламе – крошечный ад и последнее, чего ты желаешь своему ребенку.

Жена говорила правду. Никита отлично знал цену выжигающего душу креативного труда. В его недавнем прошлом остались неблагодарные заказчики, вкусовщина в оценке работ, сорванные сроки, бессонные ночи и неоплаченные счета. Он действительно не хотел такой жизни для Алекса. Однако там же, в прошлом, были моменты триумфа, восторг от удачной идеи и упоительный процесс ее воплощения. Там были клиенты, которые становились друзьями, призы на рекламных фестивалях и гордость от того, что результаты усилий его команды видели миллионы людей – по телевизору, в журналах, на билбордах и в Интернете.

Бунт Алекса, истерика жены и собственные воспоминания выбили Никиту из колеи. Он слушал Ольгу, но уже не вникал в слова, а только периодически мычал для поддержания разговора. Она продолжала в лицах пересказывать разговор с сыном и абсолютно успокоилась. На фоне проблем с единственным ребенком разногласия с мужем отошли на второй план.

– Никита, что ты молчишь?

– Я думаю, Олюш, – соврал Никита. – Мне надо все это переварить. Спокойной ночи, любимая. Позвоню завтра.

Ему и правда требовалось время на осмысление.

Он чувствовал себя обманутым и одиноким, внутри клокотала злость.

Никита сделал несколько нервных кругов по гостиной и рванул вверх по лестнице. К третьему этажу скорость пришлось сбавить – сердце колотилось где-то в ушах.

Задыхаясь, он вошел в одну из пустых верхних спален и остановился напротив круглых окон. Отсюда, с высоты, сумеречная долина внизу была не видна совсем. Зато в объективах оконных проемов пылало красками вечернее небо.

– Красиво... – Никита матерно выругался.

Полегчало, ярость начала утихать. Он повернулся, чтобы уйти, и в этот момент обратил внимание на бронзовую дверную ручку. Она смахивала на антикварную или это была удачная имитация. Он недавно слышал что-то на эту тему. Только где?

Его осенило:

– Дед хвалился дверными ручками. И как раз на третьем этаже.

Совпадения уже не казались Никите забавными. Он постоял в прострации еще несколько минут и побрел вниз, на кухню.

На полу все еще лежали неразобранные пакеты из супермаркета – продукты, кое-какая посуда, бумажные полотенца и прочая ерунда. Он выудил из завала кастрюлю, бутылку красного вина и пачку спагетти – надо было срочно поправить настроение и все обдумать.

Пока закипала вода, Никита заставил себя убрать скоропортящиеся продукты в холодильник, а остальное, не разбирая, сунул в необъятный встроенный шкаф прямо в пакетах.

Приглядывая за кастрюлей, он вспомнил рассказ Ольгиной американской подруги о том, как в ее семье было принято проверять готовность спагетти. Мать подруги бросала вареную макаронину в потолок. Если прилипла – готова, если сразу отвалилась – не доварена. Или наоборот – Никита не запомнил. На вопрос изумленной публики, что же происходило дальше с макаронами на потолке, подруга невозмутимо отвечала: «Их смахивали шваброй». Она тогда не поняла, почему так смеялись ее русские друзья.

Никита посмотрел на четырехметровые потолки и покачал головой:

– Не долетит.

Только взяв с плиты кастрюлю с готовыми спагетти, он сообразил, что не подумал про дуршлаг. Пришлось сливать кипяток через край. В результате в кастрюле осталась вода, а спагетти частично ускользнули в раковину.

– Главное, старик, что у нас есть штопор, – утешился Никита.

Он вынес на балкон еще пару стульев и устроился с максимально доступным комфортом.

К этому моменту совсем стемнело, но ему все равно хотелось посидеть под звездным небом. Балконы соседних домов были пусты, освещенные окна безмолвны. Никто не нарушал его уединения.

Вино из керамической кружки и большая тарелка спагетти быстро сделали свое благое дело. Первые эмоции улеглись – Никита обрел способность рассуждать и даже иронизировать.

– И как ты до этого докатился, старик? – с насмешкой спросил он сам себя. – Тебя все послали. Жена, сын и даже мать. Похоже, все считают тебя идиотом.

Чувствовать себя идиотом было неприятно.

В Никите проснулся внутренний оппонент:

– Бабы – дуры! всю жизнь пилили: «Где шатаешься?», «Пьянь», «Псих», а теперь парня толкают туда же. Есть логика?!

Воспоминания напоздали волнами. Про изматывающую работу над проектами. Про ночи в агентстве – пьяные и небезгрешные. Про ссоры с женой – иногда лопалось даже ее бесконечное терпение.

По мере того, как пустела бутылка, эмоциональный фон менялся. Никите вспомнился кайф от совместной работы в команде, где все понимали друг друга без слов. Он заново умилялся нелепыми ошибкам, которые потом превращались в анекдоты. Перебирал самые яркие эпизоды и заново переживал всплески адреналина. В те годы он жил так, будто жизнь была бесконечна, а сам он – бессмертен.

– Хорошие были деньки, – грустно признался он вслух. – Жалко, что все закончилось.

Глядя со стороны, можно было сказать, что все закончилось прекрасно. Продажа бизнеса принесла ему деньги. Никита рассчитывал, что, отряхнувшись от ежедневных обязанностей, заживет для себя. Сможет делать то, что хочется, и то, на что раньше не хватало времени и сил. Ольга тоже рассчитывала на перемены в мужнином образе жизни.

Они оба обманулись. То, что Никита в шутку называл «проклятым ярмом», успело стать частью его самого. Пространство, где раньше была работа, заняли фантомные боли. Свобода не принесла освобождения.

А начался этот забег двадцать лет назад. Тогда Никита, недавний студент, работал в небольшой производственной компании и ничего не знал о рекламе. Как-то работодатель Никиты принял решение о размещении рекламного объявления в газете «Известия». Просто потому, что в ней уже в течение нескольких месяцев выходила реклама их главных конкурентов. Никто не знал, как это делается. В разведку отправили самого молодого и нахального – Никиту. По итогам коротких переговоров с коммерческим директором он получил технические требования к тексту объявления и счет со скидкой в тридцать процентов.

Годы спустя, уже работая в рекламе, он вспоминал этот эпизод и удивлялся. Скидку он получил по тем временам небывалую.

А в тот день Никита возвращался на метро из редакции «Известий» в свою контору и думал: «Как же, наверное, интересно работать в рекламе! Как бы я хотел этим заниматься!»

Прошло еще два года, он поменял работу. Мечты о рекламном бизнесе оставались несбыточными. И вот однажды судьба дала ему шанс.

На дне рождения отца, когда все уже прилично выпили, Никита краем уха уловил разговор гостей, бывших батиных сослуживцев.

– Черт его разберет, пришли какие-то ребята. Давай, говорят, мы будем продвигать твой бизнес. Рекламное агентство, понимаешь. Складно так излагают, паршивцы, только боюсь я им деньги давать. Сумма приличная, понимаешь. Практически все, что есть на сберкнижке.

Мужиковатый с виду Николай Алексеич был блестящим инженером и автором нескольких изобретений. А еще, как показало время, прозорливым бизнесменом. Заказчики, которых он знал по проектному институту, нуждались в современном оснащении для новых мясоперерабатывающих цехов. Николай Алексеич частным порядком спроектировал оборудование по их требованиям, организовал производство на умирающем заводике во Владимирской области и готов был уволиться с основной работы, если б знал, как найти новых клиентов. Неисповедимыми путями, видимо, по наводке благодарных заказчиков, на него вышло рекламное агентство. Их предложение заинтриговало Николая Алексеича и одновременно насторожило.

– Николай Алексеич, – встрял в разговор Никита, – я на работе раньше занимался рекламой. Если хотите, могу посмотреть, что они вам предложили.

– Ты, Никитос? – изумленно переспросил тот. – Ну, посмотри! – Николай Алексеич хохотнул и дружески огрел Никиту по спине. – Деятель вырос, понимаешь! Помню, как пешком под стол ходил...

Ничего не значащий разговор стал поворотным в жизни Никиты. Наглость, природное легкомыслие и редкая удача в тот раз уберегли его от провала. Начинающему рекламисту даже удалось заработать. Взяв за основу готовое предложение рекламного агентства, он обзвонил коммерческие отделы выбранных его специалистами газет и журналов. Интуитивно манипулируя, Никита мотал на ус все, что говорили их сотрудники о планировании рекламной кампании вообще и о своих конкурентах в частности. Сопоставив полученную из разных источников информацию, он создал для Николая Алексеича медиаплан. Из пяти печатных изданий в нем осталась одна массовая газета и два специализированных журнала. Аппетиты агентств тогда были ничем не ограничены – дикие времена! – поэтому в новой версии плана общая стоимость рекламной кампании сократилась почти в десять раз.

Аргументация Никиты произвела сильное впечатление на Николая Алексеича. К медиаплану прилагались счета издательских домов, которые тот оплатил после недельных раздумий. Свою скромную комиссию Никита получил от него наличными. К счастью, Николай Алексеич сохранил их совместную авантюру в тайне почти до самого ее успешного завершения. Иначе отец Никиты придушил бы затею на корню. Конечно, он наорал на сына, когда обо всем узнал. Однако судить победителей не представлялось возможным: к Николаю Алексеичу повалили заказчики.

В том, что происходило с Алексом, просматривались очевидные параллели с событиями его собственной юности. Никита почувствовал уважение к сыну. В открытую против отца тот, может, и не пошел, но все же не сдался.

– А бабушка-то какова!

Не то чтобы Никиту очень удивили интриги матери. Происходящее было вполне в ее духе. Просто до этого момента она интриговала в пользу сына, а не против него.

– Все будет хорошо, – убежденно произнес Никита. – Все наладится. И Оля приедет.

Плавно, чтобы не потерять душевное равновесие, он поднялся. Стулья вместе с грязной посудой занес в комнату, закрыл балконные двери, погасил свет на первом этаже и отправился наверх. Спать.

Похождения прошлой ночи выветрились из головы, и он не рассчитывал на их продолжение. Но незванный сон пришел снова.

Дед хлопотал на кухне. В духовке золотился ростбиф, который наполнял дом чудесным ароматом. Старик увлеченно разговаривал сам с собой и крупно, по-мужски нарезал картошку и морковь.

– Отличная работа, молодой человек! Еще несколько минут – и мы отправим все это в духовку вместе с мясом. Хочу как следует угостить моего друга Олли. Он обещал прийти сегодня на ужин. Гости всегда хвалят мою стряпню, а уж мой соус к мясу – это бомба! Все спрашивают рецепт, а я помалкиваю, что варю соус из полуфабрикатов, из порошка в пакетиках, который привез из Англии. – Старик хитро подмигнул невидимому собеседнику.

Время от времени он делал хороший глоток вина из стеклянного стакана.

Никита стоял совсем близко и с уважением наблюдал за уверенными движениями Деда. Ему стало интересно: получится ли у него что-нибудь съесть? И заметит ли старик?

Для начала требовалось проверить свой статус человека-невидимки.

– Угостишь меня ужином сегодня? – негромко спросил Никита.

Не получив реакции, он отважно потянулся за кружком моркови. На полпути рука замерла – вокруг них внезапно что-то изменилось.

Вначале появились странные звуки. Негромкое позвякивание.

Дед тоже застыл и начал прислушиваться.

Через мгновение у Никиты появилось ощущение, что, кроме них, в кухне есть кто-то еще.

Они с Дедом одновременно обернулись и застыли в изумлении. Крупный мужик с задубевшим от солнца лицом растерянно топтался в дверях. Его грудь и спину прикрывал панцирь из толстой кожи с нашитыми на него металлическими бляхами, а ниже спускалось что-то вроде короткой кожаной юбки из клиньев. Из-под юбки торчала мятая темно-красная рубашка до колен. Шлем с козырьком и защитными пластинами на шее, короткий меч в сильных руках – по всем внешним признакам это был римский воин. Несмотря на абсурдность ситуации, гость не выглядел ряженым. Он смотрелся вполне правдоподобно в своих пыльных сандалиях на босу ногу. Только богато украшенный цветными камнями кинжал в роскошных серебряных ножнах плохо вязался с походным облачением.

Дед и его неожиданный гость некоторое время таращились друг на друга.

Пока длилась немая сцена, Никита непроизвольно передвинулся к окну, подальше от незнакомца.

Римлянин опомнился первым. Он был как минимум на две тысячи лет старше Деда и явно устойчивей к стрессу. Воин насупился, крепче сжал в руке меч, угрожающе подался вперед и... испарился так же неожиданно, как возник.

«Сигнал нестабильный», – промелькнула в голове у Никиты бредовая мысль. К счастью, римлянин исчез именно в тот момент, когда неловкая ситуация могла перерасти в неравный бой. Старик помотал головой, отгоняя наваждение.

Он выплеснул в раковину остатки вина из недопитого стакана и убрал бутылку в холодильник.

– Я люблю гостей, – пробормотал он себе под нос. – Но я сам решаю, кого приглашать, а кого нет. У меня есть право на частную жизнь, в конце концов!

Дед глубоко вздохнул и вынул из духовки горячий сотейник. Высыпал на свободное место нарезанную картошку с морковью, полил ростбиф шипящей подливкой и с грохотом зашвырнул все назад в печь. Возможно, он и тяготился иногда одиночеством, но непрошенных гостей точно не любил.

– Да, Дед, ты готовишь лучше, чем я, – попытался утешить его Никита, вспомнив спагетти в раковине.

Тот все еще оставался под впечатлением от миража – растерянно прошелся по кухне, зачем-то опять заглянул в духовку и, шаркая, побрел в гостиную. Никита, как тень, следовал за ним.

Рассеянно взглянув на камин, старик встрепенулся:

– О, молодой человек, надо принести дрова! Чем вы собираетесь топить камин?

Похоже, практическая задача дала ему почву под ногами. Дед повеселел и уже через минуту бодро затопал по лестнице в подвал. Никита остался ждать в коридоре.

Прошло несколько минут, Дед не возвращался. Подвал был громадный, метров шесть в глубину. В нем имелось нечто вроде антресолей, почти дополнительный этаж. Похоже, в прошлом это была пещера в скале, над которой затем построили дом. Вниз вела узкая и очень крутая лестница с двумя промежуточными площадками.

Никита подождал еще немного и на всякий случай огляделся, чтобы удостовериться: это все еще сон или он проснулся и просто шатается ночью по дому. Обстановка не поменялась. Значит, сон продолжается...

Он подошел к открытой дверце, ведущей в подвал, и прислушался. Снизу раздавались негромкие голоса и другие, пока непонятные звуки.

Никита колебался недолго.

– Надо спасать старика, – обосновал он свои последующие неразумные действия.

Медленно и осторожно он спустился на один пролет. Звуки становились громче, снизу шел яркий свет. Развернувшись на первой площадке, Никита увидел Деда. Опершись на перила, тот стоял спиной к нему у ограждения подвальных антресолей и смотрел вниз. С зами-

рающим сердцем Никита преодолел оставшиеся ступени и встал рядом. Дед немного подвинулся, будто освобождая место. Удивиться Никита не успел. Зрелище, которое открылось перед ним, поразило его гораздо сильнее.

На месте пустого и гулкого подвала было жилое помещение с грубо обтесанными каменными стенами. От улицы его отделяли занавеси из телячьих шкур, сейчас раздвинутые и перевязанные ремнями. У порога пылал огонь в открытом очаге, сложенном из крупных камней. Около очага сидели двое мужчин. Еще четверо расположились на тюфяках, покрытых тряпьем.

Никита с опаской покосился на нижний пролет лестницы. Ступеньки исчезали чуть ниже площадки, где стояли они с Дедом. Дальше была пустота, которая таинственным образом перетекала в пространство пещеры. Это его успокоило – прямого сообщения между двумя реальностями он не увидел, а к своим ночным похождениям уже начал привыкать.

Перед ними была казарма или караульное помещение. Вдоль одной стены размещалось старинное оружие: мечи, копья, большие луки, колчаны со стрелами и высокие щиты, собранные из деревянных дощечек. Дальний угол пещеры занимала кухня. Там были полки с глиняной посудой, на вбитых в каменную стену железных крюках висели мешки с припасами и пучки сушеных трав. На полу стояли большие амфоры, горшки и корзины с фруктами. Хозяйство в этом солдатском жилище содержалось в образцовом порядке.

Старик с интересом разглядывал пещеру и ее обитателей.

– Не боишься, Дед? Молодец, мужик!

Никиту осенило:

– А может, ты тоже спишь? Ты видишь сон про римлян. А я вижу сон про твой сон – про римлян.

Не поворачивая головы, Дед пожал плечами. Это могло означать что угодно.

Никита оставил старика в покое и переключился на то, что происходило в пещере.

– Оп-па! Это же наш гость! Смотри, Дед!

Никита узнал недавнего посетителя по нарядному кинжалу на поясе. Тот был уже без доспехов, в одной красной рубахе, а вместо меча держал в руках глиняную миску. Он сидел у очага на деревянном чурбаке и ложкой ел что-то вроде каши.

– А наш-то – красавец! Согласись, Дед.

Без шлема солдат и в самом деле выглядел по-другому. Он оказался кудрявым блондином, в зрелых годах, но еще в отличной форме. Четкий профиль и крепкая шея выглядели безупречно. Второй мужчина у очага, молодой здоровяк, уже закончил трапезу, его пустая миска стояла рядом на земляном полу.

Солдаты вели неспешную беседу. На каком языке они говорили, Никита не думал. Во сне его лингвистические способности не имели границ.

– Правду ли говорят, Крикс, что ты служил под командованием великого Цезаря? – спросил молодой.

– Да, Матуген, это правда, – с гордостью ответил Крикс. – Слава Цезарю! Он великий полководец.

– А правда ли, что этот кинжал ты получил в подарок от Цезаря? – Матуген с восхищением разглядывал роскошную отделку рукояти и серебряные ножны на поясе Крикса. – Говорят, ты отличился в битве при Вогезах.

Первоначально римляне делили Галлию на две части: Цизальпийскую, или «ближнюю» Галлию, и Трансальпийскую, или «дальнюю» Галлию. Цизальпийская Галлия располагалась «по эту сторону» Альп, Трансальпийская – «за» Альпами. Юг Трансальпийской Галлии вдоль побережья Средиземного моря назывался Нарбоннской Галлией, или Провинцией. К 58 году до нашей эры Нарбоннская и Цизальпийская Галлия давно находились под властью Римской

республики, а на востоке Трансальпийской Галлии, у реки Рейн, разгорался конфликт между местными племенами.

Два галльских племени, секваны и эдуи, вели между собой непримиримую войну за первенство. Германские войска под предводительством царя Ариовиста поддерживали секванов. Для защиты от них эдуи обратились за помощью к Цезарю, который был тогда проконсулом и управлял римскими владениями в Нарбоннской и Цизальпийской Галлии.

Армии римлян и германцев встретились недалеко от берегов Рейна, у горного массива Вогезы. Благодаря своей изобретательности и таланту полководца, Цезарь одержал в битве при Вогезах блестящую победу.

Крикс отставил опустошенную миску и заговорил, глядя в огонь. Другие солдаты не проявляли ни малейшего интереса к его рассказу. Судя по их безучастным лицам, эту историю они уже слышали не раз. А вот молодой Матуген был новичком.

– Мы разгромили германцев при Вогезах. Их царь Ариовист в числе немногих сумел переправиться через Рейн, но большинство его воинов и даже две его жены и дочь погибли. А вторая дочь попала к нам в плен.

– Разве германцы были так слабы? – недоверчиво уточнил Матуген.

– Наоборот. В наших войсках ходили мрачные слухи о неистовой силе германских воинов. Говорили, что их готовят к войне с самого детства, что их юноши не знают женщин до двадцати лет и даже дольше – сохраняя целомудрие, они берегут силы для битвы. Рассказывали, что германцы ведут простую жизнь и не привыкли к телесным удобствам, поэтому их выносливость в схватке не знает предела. Такие разговоры подорвали боевой дух наших солдат. Узнав об этом, Цезарь созвал центурионов, наших командиров, и произнес речь, которая наполнила их сердца стыдом за проявленную слабость и вновь зажгла в них огонь мужества. Вот такой он, великий Цезарь, – слава ему!

– Слава Цезарю! – эхом отозвался молодой легионер.

– Я служил в Десятом легионе. Когда Цезарь отправился на встречу с Ариовистом, с ним должны были ехать только всадники. Но мы были любимцами Цезаря, и только нам он мог доверить свою жизнь. Он приказал галльским всадникам спешиться и посадил нас, своих легионеров, на их коней. Цезарь оказал мне великую честь: для своей личной охраны он выбрал десять воинов, и я был среди них. Ариовист и Цезарь вели разговор, сидя верхом, и мы были рядом. Остальные всадники, и наши, и германские, оставались на расстоянии двухсот шагов. Ариовист держался высокомерно и не пошел навстречу предложениям Цезаря. Затем к нам примчался гонец и сообщил, что германские всадники начали метать в наших легионеров копья и камни. Услышав это, Цезарь отдал приказ вернуться в лагерь и покинул Ариовиста.

– Неужели великий Цезарь испугался? – в изумлении отпрянул молодой.

– Сразу видно, что тебе не знакома сила его военного гения, глупец! – оскорбился Крикс. – Мы готовы были разорвать наглых германцев, но Цезарь приказал отойти, чтобы никто не смог обвинить его, будто он напал на противника во время переговоров. После этого в течение нескольких дней Ариовист менял расположение своей армии и, наконец, обошел наш лагерь с тыла, чтобы отрезать от поставок продовольствия. Он расположил повозки вокруг своих войск и посадил на них плачущих от ужаса женщин. Так он хотел лишить своих воинов пути к отступлению.

Крикс умолк, вспоминая.

– Настал день битвы. Великий Цезарь выстроил легионы в две линии, и еще одну линию оставил в резерве. Он приказал увести своего коня и коней других командиров, чтобы сражаться, как легионеры. Мы налетели на противника так стремительно, что никто не успел метнуть копья, и мы бились на мечах. Я сражался бок о бок с Цезарем. На левом фланге германцы уже были повержены, но на правом они сильно превосходили нас числом. Нам пришлось

нелегко. Слава богам, на помощь пришли резервные легионы. Мы гнали германцев до Рейна и перебили большинство из них. Великий Цезарь во второй раз оказал мне честь – в награду за отвагу в битве я получил этот кинжал из его рук.

– Воистину боги любят тебя, Крикс! – воскликнул Матуген. – Разве такое возможно, чтобы простой солдат получил награду от самого Цезаря? Тем более что ты даже не римлянин по рождению. У тебя галльское имя. Крикс ведь означает «кучерявый»?

– Послушай меня, новобранец. Чтобы заслужить одобрение великого Цезаря – слава ему! – не надо иметь знатное происхождение, богатство или высокий чин. В соратниках, так он называл нас, Цезарь уважает лишь мужество и воинскую доблесть, потому что сам он – великий воин. В легионах ходили легенды о его храбрости. Много раз он бросался с мечом в гущу боя. Говорят, он даже тайно пробирался к попавшим в засаду войскам, переодевшись в галльское платье. А я, к твоему сведению, уже давно стал гражданином Римской республики. Ты ведь тоже галл, Матуген – сын медведя – усмехнулся легионер.

Молодой замолчал, переваривая услышанное.

Крикс поднялся, расправил могучие плечи и подошел к солдату, который, скрестив ноги, сидел на ближайшем к нему тюфяке и чинил свой панцирь.

– Что-то я устал сегодня, Эйсон. Хочу пойти в термы. Ты со мной?

– Не могу. Скоро моя очередь заступать в караул, а мне еще надо успеть... Видишь, кожаный ремень перетерся?

– Я пойду с тобой в термы, Крикс, если позволишь, – подхватился Матуген.

– Так и быть, – снисходительно отозвался Крикс, – только если не будешь донимать меня вопросами. – На самом деле ему льстило внимание новичка. Остальным товарищам давно наскучили его рассказы. – Позже пойдем, после смены караула.

Матуген не унимался:

– Не сердись, Крикс, я все же спрошу. Как ты оказался здесь? Разве охрана торговой дороги – достойное занятие для заслуженного воина?

– Лучше не зли меня, новобранец, а то я покажу тебе, как оскорблять ветерана! Я отслужил свое, отдал Республике половину жизни и много раз проливал кровь. Следующей весной моя служба закончится. Я получу вознаграждение, которое мне причитается, и поселюсь в тихом месте, где будет поменьше назойливых болтунов вроде тебя.

Крикс нахмурился и вышел на улицу. Матуген, как хвост, потащился за ним. Судя по всему, он не принял всерьез угрозы ветерана.

После ухода Крикса и Матугена внизу установилась тишина.

Потрясенный Никита вспомнил о своем товарище. Казалось, старик был так поражен происходящим, что перестал не только шевелиться, но и дышать.

– Дед, отомри, – засмеялся Никита.

Тот вздохнул и переступил с ноги на ногу. Понять, как работает магическая связь, Никита не мог. Почему она действует лишь в одну сторону, тоже было неясно. Зато пользоваться ею было чрезвычайно интересно.

– Слышал? У них есть термы. Значит, в нашей деревне раньше были теплые источники. Жалко, что не сохранились, а то был бы у нас свой, деревенский СПА-комплекс.

Дед покрутил головой, будто отогнал назойливую мысль. Лицо у него было задумчивое.

– Профессиональные военные – особые люди, – сказал он, глядя на оставшихся в казарме солдат. – Я никогда не служил в армии, но с оборонным ведомством общаться приходилось. Среди моих инженерных разработок было несколько совершенно секретных проектов.

Никита наострил уши – Деда снова потянуло на воспоминания. «Значит, моя догадка была верна. Дед – крутой инженер. Система отопления в моем доме – его рук дело».

– Мне повезло, я редко сталкивался с тупицами и солдафонами среди военных. Моими заказчиками были в основном очень умные и знающие люди. Многие из них имели боевой опыт – настоящие герои. Они были так же помешаны на своем деле, как я сам, могли работать сутками, если надо. Но между нами было принципиальное различие: в противоположность мне, они никогда не сомневались в том, что делали. А меня до сей поры мучит вопрос: во благо или во вред людям служила моя работа?

Солдаты внизу собирались заступать в караул. Эйсон завязывал ремешки залатанного нагрудника, его напарник, уже полностью экипированный, внимательно осматривал древко копья.

– Я не занимался разработкой вооружения. Никогда. Это была принципиальная позиция. Моя компания создавала только технологии защиты боевой техники и средства для выживания в экстремальных условиях. Но меня часто мучила мысль о том, что, защищая одних солдат, я помогаю убивать других. Этичность этой работы всегда была для меня под вопросом. Особенно в нашем мире, когда в каждом военном конфликте небезупречны намерения любой из сторон.

Старик вздохнул.

– Непростой вопрос. Взять этих солдат. Они защищают то, что считают собственностью Римской республики, и без колебания убьют любого, кто посягнет на нее. В конкретном случае на своем месте каждый из них прав. Но ведь Республика отобрала эти земли у местных племен. И те, кто выступает против римлян, тоже воюют за принадлежащее им по праву. На чьей ты стороне, зависит, в первую очередь, от твоего гражданства и личных интересов, а уж потом – от чувства справедливости. Время от времени я выполнял военные заказы, потому что в бизнесе нет места сантиментам, но полностью отделаться от чувства вины не смог.

Никита слушал Деда с сочувствием. Его бизнес тоже иногда имел побочные эффекты. В работе над рекламным проектом открывались реальные свойства продукта, который агентству предстояло продвигать. Подписав контракт, Никита начинал патриотично пользоваться продукцией клиента и увлеченно рассказывал о ней направо и налево. Потом, углубляясь в детали, он либо укреплялся в новой привязанности, либо заносил продукт, а то и целую категорию в черный список.

Впрочем, в отличие от Деда, моральная сторона бизнеса Никиту не слишком трогала. Если другие люди верили рекламе, которую размещало его агентство, это была их проблема. Сам он жил здесь и сейчас и глобальными вопросами социальной ответственности себя не обременял. Он не бросал мусор на улице и в подъезде, пропускал вперед стариков и женщин с маленькими детьми и время от времени делал пожертвования через один детский благотворительный фонд, всегда адресно, на лечение конкретного ребенка. Этого хватало для душевного комфорта. В данном случае его тронула не гражданская позиция Деда, а новое свидетельство противоречивости стариковой природы. Размышления об этичности не мешали тому делать состояние на сомнительных проектах.

В пещеру вернулся Крикс. Широким шагом пройдя в дальний угол пещеры, служивший солдатам кухней, он развернулся и встал лицом ко входу, расставив ноги и скрестив руки на могучей груди. Лицо римлянина было мрачным.

– На кого это наш парень рассердился? – заинтересовался Никита. – Смотри, Дед, у него спина напряглась и кулаки сжаты.

– Молодой его все-таки достал, – философски отозвался старик. – Настырный юноша.

Подтверждая его предположение, появился Матуген.

– Послушай, Крикс, я не хотел сказать ничего плохого! Не злись! – виновато произнес он. – Я просто хотел узнать, приходилось ли тебе сражаться с Верцингеторигом и что ты о нем думаешь. Многие здесь, в Галлии считают его героем!

В 52 году до нашей эры в Галлии, захваченной Юлием Цезарем, вспыхнуло восстание. Его возглавил Верцингеториг, молодой вождь могущественного племени арвернов. Собрав сторонников, провозгласивших его царем, Верцингеториг через короткое время объединил под своим командованием большую часть галльских племен.

Центром галльского сопротивления стала крепость Алезия, находившаяся на вершине высокого холма недалеко от места, где сейчас расположен город Дижон. Цезарь не стал штурмовать хорошо укрепленную крепость и приказал возвести вокруг нее осадную стену, длина которой была, согласно разным источникам, от пятнадцати до двадцати километров. После безуспешных попыток прорвать блокаду изнутри, силами осажденных, и снаружи, с помощью многочисленного галльского ополчения, Верцингеториг сдал Алезию, добровольно выехав навстречу Цезарю верхом на богато украшенном коне, облаченный в самые лучшие доспехи.

Верцингеторига доставили в Рим. Там он провел шесть лет в тюрьме в ожидании возвращения Цезаря. После участия в триумфальной церемонии в качестве одного из военных трофеев, галльский вождь был убит.

– Заткнись, новобранец! – прорычал Крикс. – Не усугубляй свое положение!

Четверо других солдат с интересом наблюдали за развитием конфликта. Никто из них не пытался вмешаться, за исключением Эйсона, который теперь привязывал к поясу ножны с коротким мечом.

– Лучше бы тебе помолчать, Матуген, – посоветовал Эйсон. – При осаде Алезии Крикс получил тяжелые раны. Лекари в военном госпитале выходили его, но после этого Крикса из действующей армии перевели в наш гарнизон. Поэтому не называй Верцингеторига героем. Если тебе, конечно, дорога жизнь, новобранец.

Эйсон дружеским подзатыльником взъерошил кудри оторопевшего Матугена и вышел наружу.

– Прости меня, Крикс! – простодушно сказал молодой солдат. – Я не знал, что Верцингеториг сделал тебя инвалидом!

– Кого?!! Меня?!! – взревел ветеран. – Сейчас ты узнаешь, что значит стать инвалидом, безмозглый болтун!

Схватившись крепкой рукой за железный крюк, на котором висели пучки сушеной зелени, Крикс со страшным ревом вырвал его из стены, оставив внушительного размера дыру и осыпав все вокруг осколками камня. Размахнувшись, он швырнул тяжелую железяку в сторону обидчика, но она пролетела мимо, не задев Матугена.

– Отличный бросок! – одобрил Дед. – Готов поспорить, он не пытался попасть в этого олуха. Только хотел доказать свою силу и припугнуть. В противном случае такой опытный солдат не промахнулся бы.

Никита мысленно согласился со стариком.

Пока потрясенный новобранец приходил в себя, Крикс принял прежнюю позу со скрепченными на груди руками.

– Когда Веркассивелаун, двоюродный брат Верцингеторига, пришел ему на помощь и атаковал осадные укрепления, которые мы защищали, я действительно получил множество ран и больше не мог сражаться, – сказал он. – Мне повезло. Санитар вовремя оказал мне первую помощь, а носильщики вынесли меня с поля боя. Так я оказался в госпитале.

Не отводя глаз от Крикса, новобранец осторожно присел на деревянный чурбак у погасшего очага. Храня благоразумное молчание, он весь превратился в слух – ветеран давно не имел такого благодарного слушателя, как молодой Матуген.

– В армии великого Цезаря, слава ему, очень умелые врачи. Они умеют успокаивать боль с помощью дурманящих отваров, могут остановить кровь, вытащить из тела стрелу и зашить рану, нанесенную мечом. Когда я лежал в госпитале, принесли одного легионера, который получил очень сильный удар по голове. Врачи вставили ему металлическую пластину в череп, и он, представь себе, после этого выжил.

Крикс окончательно расслабил мускулы и, сделав несколько шагов, сел на свободный тюфяк. Молодой Матуген ловил каждое его слово.

– Мои раны затянулись, но маленький обломок от зазубренного наконечника стрелы остался в плече, хирурги не смогли его достать. Они сказали, что я больше не гожусь для боевых действий, но могу служить в тихом гарнизоне, охраняя торговые пути. Теперь ты знаешь, как я оказался здесь. Мои старые раны иногда дают о себе знать, но я не стал инвалидом, новобранец. Если ты все еще сомневаешься, попробуй победить меня в кулачном бою. Увидишь, на что способен ветеран армии великого Цезаря! А теперь найди тот железный крюк и вбей его на прежнее место. А еще убери с пола все эти камни – в жилище римских солдат должен быть порядок и чистота. Так велят наши правила.

Готовый услужить старшему товарищу, молодой Матуген помчался искать крюк, улетевший в заросли кустарника, а Крикс растянулся на тюфяке и, глядя на каменные своды пещеры, углубился в воспоминания.

В казарме воцарилась тишина. Пространство под лестничной площадкой, на которой стояли Никита с Дедом, стало на глазах заполняться туманом.

– Ну что, будем и дальше смотреть это кино или пойдем наверх? – спросил Никита. – У тебя там ростбиф в духовке, забыл? Затопим камин, посидим за бутылкой вина... Ах да... У тебя же дрова закончились! Может, ждешь, когда эти люди уберутся отсюда, чтобы спуститься в свой подвал за своими дровами?

Идея была абсурдная.

Впрочем, ему в голову тут же пришла еще более странная мысль:

– Может, лучше пойдем спать, Дед?

И вдруг все закончилось. Будто кто-то без предупреждения выключил свет.

Третий день

Никита не сразу решился открыть глаза. Кто знает, куда его занесло в этот раз, в каком он оказался времени и в какой компании. Он готов был смириться с тем, что чудной старик опять хозяйничает на его кухне или обедает в его гостиной – за две прошедшие ночи Дед стал ему почти родным. Но что делать с вооруженными мужиками в подвале?

Никита прислушался, потянул носом воздух и осторожно начал осматривать комнату из-под полуприкрытых век. Бледно-розовые цветы на пододеяльнике, деревянное изножье большой кровати – пока никакой опасности. Дальше – мраморный каминный портал, два окна до пола справа, за ними – синее небо без единого облачка. И, кажется, никаких посторонних звуков в доме.

– Полная ахинея, – облегченно буркнул он. – Приснится же...

Тревожный шлейф от ночных приключений не рассеивался, это раздражало.

Хмурый, он побрел в ванную.

Ни душ, ни бритве не вернули его к жизни. В голове крутились ночные образы: Юлий Цезарь, Вогезы, Крикс, Матуген...

Никита позавтракал безо всякого настроения, постоял на балконе с чашкой чая в руках и, наконец, признался себе, что не успокоится, пока не осмотрит подвал. Он и сам не знал, чего ему хотелось больше: то ли найти какое-то подтверждение своим видениям, то ли убедиться, что все это плод возбужденного воображения.

С трудом сдерживая нетерпение, он спустился по лестнице до подвальных антресолей. Здесь стояли они с Дедом, наблюдая за римлянами. Сейчас следов ночных приключений не было и в помине. Вместо занавесей из телячьих шкур стояла высокая, застекленная в верхней части перегородка с металлической дверью. Сквозь стекла виднелась обсаженная кустами дорожка, огибавшая верхнюю кромку холма.

Никита сошел вниз. На грубом деревянном полу остались следы больших ящиков или какого-то оборудования. В той части подвала, где ночью располагалась солдатская кухня, выстроились пустые современные стеллажи. Он сделал несколько шагов к стене и дотронулся до каменной поверхности – она выглядела иначе, чем во сне, но в одном месте была неровная, глубокая выбоина, которая вполне могла сойти за след от вбитого когда-то толстого железного крюка. «Неужели этим камням две тысячи лет?» – подумал Никита. Подобные цифры плохо укладывались в голове. Две тысячи лет в учебнике истории – это одно, а в собственном доме, вот здесь, под рукой – совсем другое. При продаже ему говорили, что подвал гораздо древнее самого дома, но две тысячи лет – нет...

Ключ от подвальной двери торчал в замке. Таким же легкомыслием могли показаться и стекла в половину стены, выходящей на безлюдную тропинку – тихая провинция, все на доверии.

Никита отпер дверь и вышел на улицу. Сияло солнце, щебетали птицы. Свежий ветерок быстро выдул остатки ночи из его взъерошенной головы, и он, наконец, повеселел.

– Бонжур, месье! – раздалось откуда-то сверху.

Никита задрал голову: на балконе соседнего дома приветливо улыбалась пожилая соседка, которая вместе с мужем повстречалась ему сразу после приезда.

– Бонжур, мадам! Рад видеть вас этим прекрасным утром! Разрешите представиться. Меня зовут Никита Шереметев. Я ваш новый сосед.

Он решил, что к пожилой женщине надо подойти именно так, с особыми церемониями. Кажется, она осталась довольна.

– Очень приятно, месье! Добро пожаловать в Лантерн. Я – мадам Куртепляк.

Никита сдержал смех – при всем уважении к мадам, ее фамилия звучала ужасно забавно. Что-то похожее встречалось в школьные годы в детской французской книжке, но, поскольку рассказы были юмористические, тогда Никита был уверен, что такой фамилии в реальности не существует.

Мадам Куртепляк спешила удовлетворить любопытство:

– Откуда вы, месье? Собираетесь ли вы остаться здесь насовсем?

– Я из России, жить здесь постоянно не собираюсь. Но буду регулярно приезжать с семьей.

Никита поспешил обозначить собственный семейный статус, так как мадам насторожилась, услышав, что новый сосед – русский.

«Не волнуйтесь, я смирный», – подумал Никита, а вслух, повинувшись внезапному импульсу, спросил:

– Вы хорошо знали предыдущих хозяев этого дома? Тех, кто жил здесь до меня.

– Здесь жил пожилой мужчина, англичанин, в основном один. Иногда к нему приезжали две молодые женщины, наверное, дочери, но в последние годы и они перестали появляться. Мы здоровались, но почти не разговаривали: он очень плохо говорил по-французски, а мы с мужем совершенно не владеем английским.

– Понимаю... Мерси, мадам!

В голове Никиты судорожно металась обрывки сна – грустные рассказы Деда, его фотографии.

– А что стало с вашим соседом, мадам? Где он сейчас?

Мадам Куртепляк, судя по ее мимике, была удивлена расспросами.

– Не знаю. Мы не раз видели скорую помощь около его дома. Видимо, он болел. Но мы не слышали о том, что он умер... Вряд ли... Наверное, уехал куда-то. Может быть, вернулся в Англию. Разве не у него вы купили дом?

– Дом продавала женщина... – начал было Никита.

И тут в его голове с треском состыковались обрывки воспоминаний. Он как будто на время оглох – одна из двух женщин с фотографии на буфете у Деда была очень похожа на даму, которая продавала Никите дом, только значительно моложе. Вот почему во сне она показалась ему знакомой!

Никита все еще стоял, запрокинув голову, и по инерции улыбался мадам Куртепляк, но уже с минуту молчал, пытаясь хоть как-то упорядочить скачущие мысли. Англичанин... Пожилой и одинокий... Две дочери... Фотографии на буфете...

Положение спас месье Куртепляк, который вышел проверить, по какой причине его жена застряла на балконе.

Никите пришлось взять себя в руки. Он представился месье Куртепляку и сразу очень вежливо попрощался.

– Представь, мой дорогой, молодой человек – русский! При этом хорошо говорит по-французски и вообще он очень милый. Только немного странный. И у него такая смешная фамилия! Ее невозможно ни выговорить, ни запомнить, – сказала мужу мадам Куртепляк, когда они вернулись в дом. – Ты принял лекарство, мой дорогой? Надо идти на прогулку, пока не жарко.

Никита сидел на полу в гостиной, прислонившись к прохладной стене. Он был в смятении. Требовалось срочно услышать голос Ольги, только она могла восстановить его душевное равновесие.

– Что случилось? – сонным утренним голосом спросила жена. – Надеюсь, у тебя есть уважительная причина, чтобы будить меня в такую рань.

– Я тебя люблю, – искренне ответил Никита. – Причина достаточно уважительная?

В Москве было не так уж рано, однако Ольга всегда была засоней. Кроме того, сейчас, при взрослом сыне и отсутствующем муже, она могла позволить себе длинное утро в постели. Спросонья жена не сразу вспомнила о ссоре с Никитой, поэтому отреагировала мирно:

– Да-а... И все-таки, почему ты звонишь утром? Случилось что-то?

Родной голос вернул Никиту к реальности. На второй план отошли сновидения, семейные проблемы мифического старика и римские легионеры. Гораздо важнее были отношения с женой и вновь открывшиеся обстоятельства в жизни сына.

Никита на ходу перестроился и с теми же искренними интонациями в голосе соврал:

– Я всю ночь думал над нашим вчерашним разговором, Олюш. Про Алекса. Надо как-то выходить из этой ситуации. Сама-то что думаешь?

Не так уж сильно в тот момент Никиту интересовало мнение жены. Просто хотелось, чтобы она продолжала говорить, отвлекла и успокоила его.

Не тут-то было.

– Я хочу, чтобы ребенок был счастлив. Если для этого ему надо поступить в академию и стать креативным дизайнером, я буду ему помогать. Буду делать все, что смогу. Вот что я думаю.

В голосе Ольги, как накануне, зазвучали отчаянные нотки. Она определенно намеревалась стоять до конца.

«Да что ж такое?! – изумился Никита. – Кто подменил мне жену? Где моя Оля?»

Колоссальным усилием он подавил вспышку злости и коротко ответил:

– Я понял.

Спорить было бессмысленно. Ситуация с Алексом неприятно напоминала его собственную. После того, как Никита поставил крест на инженерной и научной карьере, в его отношениях с отцом появилась трещина. Рекламный бизнес тот считал делом несерьезным и выбор сына не принял. До вчерашнего дня Никита не предполагал, что с ним и Алексом может случиться нечто подобное. Теперь наличие проблемы приходилось признать, с ней надо было разобратся. Но не сейчас, позже. Потом.

– Я понял, Олюш, – повторил он мягче. – Скорее всего, я опять буду весь день в разъездах. Давай еще раз поговорим об этом вечером. Позвоню.

– Позвоню! – передразнила Ольга и отключила телефон. – Можешь не утруждаться! Здесь никто ни о чем не переживает!

Это была неправда. Как ни старалась, Ольга не могла избавиться от мрачных мыслей.

Зато ее легкомысленный муж, едва закончив разговор, моментально нашел для себя более приятную тему.

Изабель! Она сказала: «Зайдите завтра утром, Никита». Значит, пора бежать!

– Бонжур, Никита!

Он готов был поспорить, что Изабель его ждала. В целом она выглядела так же, как накануне: строгие карие глаза, тонкие запястья в серебряных браслетах, светлое платье по фигуре. Тем не менее, тщательно спланированный беспорядок в черных кудрях, алый маникюр и крупные серьги Никита истолковал в свою пользу.

– Бонжур, Изабель! Вчера я думал, что на свете нет девушки прекраснее вас, но только что понял, что ошибался. Сегодня вы еще ослепительнее!

Изабель сделала вид, что пропустила беззастенчивую лесть мимо ушей. На самом деле стрела достигла цели. Ей было очень приятно.

– Я кое-что выяснила для вас, Никита. В ближайшее время аукционов в нашей округе не предвидится. Предлагаю рассмотреть другой вариант. Вот несколько адресов салонов, которые торгуют антиквариатом. В первую очередь рекомендую эти, оба находятся в Тулузе. У них покупают магазины помельче и частные клиенты. – Она подчеркнула название одной компа-

нии. – С хозяином этого салона я хорошо знакома. Если сошлетесь на меня, он, возможно, даст скидку. Желаю удачи, Никита!

Поскольку в туристическое бюро уже набились посетители, Никита не посмел далее отвлекать Изабель. Он поблагодарил ее, пообещал заглянуть в другой раз и на прощание обольстительно улыбнулся. Девушка кивнула ему из-за плеча очередного клиента. В ее взгляде определенно читался интерес.

Через полчаса Никита уже мчался по автостраде в сторону Тулузы. Первый по плану антикварный магазин нашелся недалеко от окружной дороги, в продолговатом двухэтажном здании напротив ухоженного парка. Судя по бетонной ограде и наглухо закрытым чугунным воротам, территория парка была частной. Вывеска «Antiquites» обозначала вход на неказистом, старинном фасаде – тонкие розоватые кирпичи в кладке стены перемежались слоями разнокалиберных камней, скрепленных раствором. Казалось, что у строителей хватало кирпичей только на очень маленький домик, а хотелось построить большой, поэтому они использовали все, что попало под руку.

Никита припарковался во дворе сбоку от здания и через низкую дверь вошел внутрь.

Звякнул колокольчик.

Весь первый этаж был плотно заставлен мебелью и стеллажами со всякой всячиной. Он покрутился возле безлюдной стойки у входа и отправился изучать содержимое ближайших полок. Здесь было много винтажных предметов интерьера в индустриальном стиле и вообще много изделий из металла: лампы, напольные светильники, вентиляторы, большие круглые и квадратные часы, ящички неопределенного назначения. От них Никита переместился к мебели: в ряд стояло несколько деревянных комодов и металлических, заводского вида шкафов разного размера, а еще несколько кресел, стульев и высокий платяной шкаф в стиле ар-деко с зеркалом. Все это выглядело любопытно, но совершенно не соответствовало его ожиданиям. Здесь не только не было ничего похожего на старинный комод с резными дверцами, он не увидел практически ни одного предмета, который на его неискушенный вкус мог бы считаться антикварным. Разве что платяной шкаф.

– Дремучий ты человек, старик, – сказал Никита вслух. – Тебе финтифлюшки подавай, а тут люди серьезные, металлом торгуют.

– Простите, месье! Что вы сказали? – раздался радостный женский голос у него за спиной. – Я работала в мастерской и не услышала, как вы вошли.

Никита обернулся. К нему приближалась невысокая женщина в джинсах и свободной серой рубашке. При всем желании он не смог бы определить ее возраст – она выглядела вечным подростком с улыбкой на лице и легкой сединой в кудрявых волосах. Ее крупные очки в оранжевой оправе были родом из восьмидесятых.

– Бонжур! Я просто рассуждал вслух. Все, что я здесь вижу, выглядит необычно.

– Да, у нашей компании есть свой стиль, собственное направление.

Похоже, Никиту ожидала подробная презентация. Он попробовал увернуться:

– Я понял, благодарю вас! Просто я ожидал увидеть нечто иное: китайские вазы, канделябры, столики с гнутыми ножками.

Женщина заразительно рассмеялась:

– Кому в наше время нужны столики с гнутыми ножками? Не спорю, в них есть шарм. В фамильных домах все еще пользуются старинной мебелью. Часто что-то подобное покупают для эклектичного интерьера – как акцент. Но большинство, особенно молодежь, не хочет жить в музее. Люди хотят отличаться от других. Вы ищете что-то конкретное?

– Мне нужен большой буфет, желательно с резными дверцами, – с долей смущения произнес Никита. Он опасался, что таким ответом не заработает очков в глазах женщины.

Ее реакция оказалась деловой, без тени высокомерия:

– У нас много комодов с ящиками, есть и большие, но буфет последний раз попадался еще в прошлом году. Это не совсем наш профиль. Если хотите, оставьте телефон. Мы вам позвоним, если появится что-то подходящее.

Они вернулись к стойке у входа. Никита взял визитку с контактами магазина и на листочке написал свой номер телефона, адрес в Лантерн, имя и фамилию.

Женщина-подросток взглянула на его записку и спросила:

– Вы русский?

– Да. Как вы это поняли? – удивился он. – Из-за акцента? Или из-за фамилии?

– Что вы, Никита! Я могу вас так называть?

Он энергично кивнул.

– Ваш легкий акцент не имеет национальных черт. – Женщина опять засмеялась. – Я знаю, что Шереметевы – старинный русский род. Вы потомок графов Шереметевых? – она произносила его фамилию на французский лад. С бархатистым звуком «р» и ударением на последний слог это звучало необыкновенно мило.

– Нет, насколько я знаю, мои предки из другой ветви Шереметевых. Они, конечно, принадлежали к русской аристократии и обладали большим состоянием до революции, но графами не были. Я поражен, мадам. Откуда такие познания? Вы бывали в России или у вас русские корни?

Рядом с жизнерадостной женщиной Никита и сам улыбался без остановки. Она смеялась не потому, что кто-то шутил. Просто мир вокруг нее был прекрасен! Никита чувствовал себя частью ее лучезарной вселенной.

– Я никогда не бывала в России. Мы с мужем не так много путешествуем, как хотелось бы. Магазин и мастерская требуют постоянного внимания. Но я не теряю надежды!

– Тогда откуда, мадам?!!

– Я окончила факультет истории искусств и археологии в Сорбонне – лучший в этой области во Франции и один из лучших в Европе. – В ее словах прозвучала искренняя гордость. – У нас была профессор, мадам Натали Мери. Она читала курс современной архитектуры. Ее предки по материнской линии – русские эмигранты. Хотя ее мама и папа родились во Франции, она любила Россию всей душой и сверх программы рассказывала нам о русской архитектуре.

– Начинаю понимать, мадам. Графы Шереметевы построили несколько интересных зданий в Москве и Петербурге...

– Bravo, Никита! – снова заразительный смех. – Я не представилась... Простите! Меня зовут Николь. А теперь скажу, почему из многочисленных лекций профессора я на всю жизнь запомнила именно Шереметевых. Профессор была изумительной рассказчицей. Она не просто показывала фотографии дворцов и поместий, она дополняла их легендами из жизни их обитателей. Нас поразила история любви графа Николая Шереметева и его рабыни, актрисы его домашнего театра. Забыла, как ее звали...

– Прасковья Жемчугова, – подсказал Никита.

– Да-да! – Женщина-подросток искрилась от счастья. – Граф ведь женился на ней вопреки общественному мнению? Правда?

– Правда. Жаль, что она умерла молодой, вскоре после рождения сына, – отличился Никита, а про себя подумал: «Спасибо, мама, что надоедала мне историей рода Шереметевых!»

Они еще поболтали, и Никита начал прощаться. Ради такой неожиданной встречи стоило заехать в этот необычный дом в пригороде Тулузы.

Через двадцать минут он входил в дверь второго антикварного магазина из списка Изабель. Как раз того, где ее имя могло послужить паролем для дополнительной скидки. Внешне здание напоминало огромный гараж, зажатый между современными жилыми домами. Однако внутри это была настоящая пещера Али-Бабы – именно так, по мнению Никиты, и должен

выглядеть магазин, торгующий антиквариатом. Все таинственно мерцало и богато поблескивало. Огни бронзовых люстр отражались в старинных зеркалах и бросали блики на тусклый лак антикварной мебели. За просторным письменным столом с гнутыми ножками восседал худощавый, аристократичного вида мужчина с седой профессорской бородкой клинышком. Он осторожно перелистывал гравюры в большой папке, перебирал закладки в деревянном картотечном ящике и время от времени заглядывал в открытый ноутбук.

– Бонжур! – радостно поприветствовал его Никита, который все еще находился под впечатлением от встречи с маленькой женщиной.

– Бонжур. Чем могу помочь? – Мужчина оторвался от своего занятия и выжидающе посмотрел на посетителя поверх узких очков.

Не было нужды придумывать прозвище, это был настоящий Антиквар. Никите стало неуютно – под выжидающим взглядом профессора он почувствовал себя троечником на экзамене.

– У вас есть большой старинный буфет с резными дверцами? – испуганно произнес он, непроизвольно вспомнив Никулина в роли Сени Горбункова из «Бриллиантовой руки»: «У вас нет такого же, но с пелра... перламутровыми пуговицами?»

Никита ухмыльнулся, тут же получил в ответ удивленно приподнятые брови мужчины за столом и снова внутренне сжался.

Никита пустил в ход свой главный, как он считал, козырь:

– Моя знакомая, ее зовут Изабель, порекомендовала мне обратиться к вам. Она сказала, что вы самый известный антиквар в Тулузе и единственный, кто сможет мне помочь.

Ничего подобного Изабель, конечно, не говорила. Это был очередной наглый экспромт.

Однако результат оказался неожиданным. Профессор встал, положил очки на папку с гравюрами и недобрым взглядом смерил Никиту с ног до головы.

– Изабель? Простите, молодой человек. Откуда вы ее знаете?

Несколько суетливо Никита изложил краткую версию знакомства с Изабель. Лицо Антиквара разгладилось и даже немного подобрело.

– Так вам нужен буфет? Я покажу несколько вариантов. Следуйте за мной, пожалуйста.

С замирающим сердцем Никита лавировал вслед за Антикваром по заставленному всякой всячиной залу. Попадалось много интересного: затейливые столики и кресла, бюро и стеклянные витрины. Все горизонтальные поверхности были заставлены подсвечниками, часами, лампами и фарфором, который Никита, спроси его кто-нибудь, назвал бы китайским. Свободные участки стен заполняли картины в богатых рамах. У Никиты разбегались глаза, он уже почти забыл, зачем приехал.

Седобородый остановился напротив небольшого резного буфета.

– Орех, девятнадцатый век, хорошая сохранность. Нравится?

– Не очень, – честно ответил Никита, но спохватился и попытался исправиться. – Буфет очень красивый, но это не совсем то, что надо. В моем доме потолки около четырех метров. Нужен очень большой буфет, соответствующий масштабу комнаты.

– Понимаю, – седобородый не обиделся.

Прояснив для себя вопрос взаимоотношений Никиты с Изабель, Антиквар, кажется, разглядел в нем потенциального покупателя.

Посмотрели еще несколько богато украшенных резьбой буфетов, но на первый взгляд ни один не показался Никите достаточно величественным. Требовалась примерка на месте, хотя бы заочная.

– Может быть, для меня имеет смысл участвовать в деревенских аукционах? – как бы между делом поинтересовался Никита.

Антиквар взглянул снисходительно:

– Конечно, вы можете участвовать в аукционах самостоятельно. Но это требует времени, квалификации. Вам потребуется очень большая удача, если ищите что-то конкретное. Надо постоянно быть в курсе того, что происходит в разных городках и деревнях: кто-то умер или переезжает, кто-то решил перестроить старый дом. В этих случаях часто продают все на месте одним лотом: ценные вещи и откровенный хлам. Приходится оценивать перспективу на глаз, и это не просто. Мы собираем качественные предметы годами, реставрируем...

Он развел ладони в стороны, демонстрируя свое богатство.

Никита отметил сдержанный жест профессора: «Да, здесь не место размахивать руками». Сам он вел себя скованно, опасаясь смахнуть на каменный пол что-нибудь хрупкое.

Как бы там ни было, Никита хотел все сейчас и сразу.

– Разрешите, я сниму мерки с ваших буфетов? Дома попытаюсь представить, как они будут выглядеть в комнате.

Антиквар не возражал.

Никита сфотографировал два самых высоких буфета, записал в планшетнике результаты их измерений и цены, и собрался было откланяться, но тут обратил внимание на прелестный рисунок акварелью и тушью в простой тонкой рамке – парень и девушка целомудренно обнимались. Его бросило в жар. Вот она, общая тема для графики, которая будет украшать его гостиную! И Ольга обязательно оценит такое красивое решение!

Антиквар уловил состоявшийся контакт, взял рисунок со стола и подал Никите.

– У вас хороший вкус, месье. Чудесная работа. Конец девятнадцатого века. Неизвестный художник – цена невысока.

Никита помялся. Он чувствовал себя дилетантом и по-прежнему испытывал смущение перед профессором:

– Хотелось украсить стены гостиной гравюрами и рисунками, которые объединены общей темой, но я не знал, какой именно. Благодаря этому рисунку у меня появилась идея, но в одиночку, боюсь не справиться. Вы поможете мне, месье?

Некоторое время Антиквар молчал, изучающе глядя на Никиту. Затем жестом предложил следовать за ним и пошел вглубь салона.

В дальнем углу, на невысоком стеллаже, в ряд, одна к одной стояли большие папки наподобие той, что Никита видел на профессорском столе.

– Давно никто не ставил передо мной такой интересной задачи... В этих папках графические работы, которые я покупал в течение многих лет. Часть я продавал, но появлялись новые, и так их скопилось много сотен. От природы я человек очень аккуратный, некоторые даже считают меня занудой. Я всегда вел картотеку, однако не все согласны с моими принципами классификации. Сейчас поймете, о чем я говорю. К сожалению, часть картотеки все еще хранится в бумажном виде. Возможно, вы обратили внимание – я переношу данные в компьютер, но дело продвигается медленно. Кажется, мне понятна мысль... Однако я хотел бы попросить вас пояснить. Так какова же отныне тематика вашей коллекции? – с пафосом переспросил Антиквар.

– Любовь, – сформулировал Никита.

До последнего момента он рассматривал покупку гравюр исключительно утилитарно, с интерьерной точки зрения. Идея коллекционирования никогда его не увлекала. Но ведь и французским домовладельцем он раньше становиться не планировал.

Профессор выдвинул один из ящиков деревянного картотечного шкафа, разумеется, старинного.

– Взгляните сюда, месье, – торжествующе предложил он.

На одном из картонных разделителей синими чернилами от руки было написано: «L'amour».

– Здесь описаны графические работы на тему любви, которые имеются в моем распоряжении, и указаны папки, в которых они хранятся. Думаю, у меня их пара сотен или даже больше. Зайдите немного позже, я подберу наиболее подходящие, чтобы облегчить выбор. – Антиквар деликатно взял из рук Никиты рисунок в рамке, который тот все еще держал перед собой. – Этот я тоже отложу для вас. Если располагаете временем, поезжайте в центр. Пообедайте, прогуляйтесь по городу и возвращайтесь часа через два, а лучше через три.

Никита вышел на улицу с мыслью: «Опять повезло!» Казалось, кто-то невидимый в правильный момент сводил его с нужными людьми. Немного погодя Никиту догнал запоздалый вопрос: «Почему Антиквар так странно отреагировал на имя Изабель? А когда услышал, что мы с ней едва знакомы, тут же успокоился. Неужели она?.. И этот?.. Нет, не может быть. Старый зануда ей не подходит» – успокоил себя Никита, сел в машину и двинулся в сторону центра.

Путь оказался несложным и недолгим. Никита пересек реку Гаронну, бегло оценив живописный вид с моста, и уже через пятнадцать минут оставил машину в подземном паркинге недалеко от Капитолия – здания городской ратуши Тулузы. Он бывал в этом месте уже несколько раз и точно знал, что не останется голодным – периметр прямоугольной площади перед ратушей был заставлен столиками ресторанов и кафе.

Подвернулось удачное место под сводами пешеходной галереи, где была надежная тень. Из его угла открывался вид на заполненную народом площадь и нарядное здание Капитолия.

Никите никогда не надоедало наблюдать за людьми. Молодые ребята и девушки собирались стайками на площади и снова разбредались кто куда. Некоторые из них сидели на отполированных, нагретых солнцем камнях, ели сэндвичи, запивая колой или пивом. Выходцы из Африки продавали всякую дребедень, туристы, пытаясь поймать просветы в толпе, фотографировали Капитолий. Характерный для Тулузы розоватый цвет кирпичных зданий на ярком полуденном солнце казался блеклым. Однако впечатление это было обманчивым. Никите уже приходилось наблюдать, как этот город меняет цвета – ближе к вечеру он становился почти пурпурным. Ему нравилась Тулуза – живая, динамичная, но лишенная сумасшедшей столичной суеты.

«Розовый» город мог без труда угодить каждому: кому-то открывались переулки старого центра и грандиозные католические соборы, кому-то – завод Airbus и Аэрокосмический музей. Одним Тулуза дарил удачный шопинг, другим – прогулки по солнечным улицам.

Никита расправился с завернутой в тугую спираль жареной тулузской колбасой, запил лимонадом и попросил у официанта карту города. Тот направил его в туристический офис с обратной стороны Капитолия.

Как многие города Франции, Тулуза выросла на месте кельтского поселения, которое называлось Толоса. В 106 году до н.э. оно было покорено римлянами. Потом город покоряли франки, осаждали сарацины и захватывали крестоносцы.

В Средние века Тулуза была одним из богатейших городов Европы, значительно превосходя тогдашний Париж великолепием зданий и улиц. В те времена основой экономического благополучия города было производство краски светло-голубых тонов из растения вайды красильной, которую тулузские купцы продавали по всей Европе. После того, как португальцы завезли из Америки индиго, монополия Тулузы на голубой цвет, увы, закончилась.

После присоединения к Франции Тулуза получила статус столицы провинции Лангедок. Создание Национального центра космических исследований дало новый импульс экономическому развитию города во второй половине XX века, а затем в рамках грандиозного европейского проекта в Тулузе было построено предприятие по сборке самолетов Airbus.

Поводив пальцем по карте, Никита принял решение двигаться в сторону Каналь дю Миди – Южного канала. В этом районе города он еще не был. По дороге надо было завернуть на улицу Сталинград – он не мог пройти мимо.

Большая часть маршрута пришлось на относительно новые кварталы и забытые транспортом улицы. Интересных объектов для фотоохоты попадалось мало. Никита даже начал колебаться: не повернуть ли назад, в старый, «розовый» центр города? И Сталинградская, по-русски говоря, улица оказалась ничем не примечательной – безликие жилые дома, узкие тротуары. Зато по ней он, наконец, вышел к мосту через канал. Там, на перекрестке, прямо посреди проезжей части, на маленьком островке возвышался памятник какому-то человеку в туго завязанном парике, камзоле и панталонах до колен. Никита не испытывал страсти к монументам и по доброй воле их никогда не разглядывал. Однако этот месть выглядел настолько странно среди современной застройки, что возник законный вопрос: кто это и почему он здесь? Подойти близко к памятнику было невозможно, но крупная надпись читалась издали: «Пьеру Полю Рике от города Тулузы».

– Поня-я-тно, – протянул Никита. Это имя было ему знакомо.

Идея канала, соединяющего Средиземное море с Атлантическим океаном, занимала умы жителей Европейского континента несколько веков. Очень велик был соблазн сократить торговый путь вокруг Иберийского полуострова по морю, кишевшему пиратами, а также избежать прохода через Гибралтар, который контролировала Испания.

Главной сложностью проекта Канала Двух Морей был неподходящий рельеф местности. Решение проблемы нашел барон Пьер Поль Рике, соляной инспектор (сборщик налога на соль). Выйдя на пенсию в возрасте пятидесяти восьми лет в 1661 году он начал проводить самостоятельные изыскания в районе Черных гор. Барон пытался найти источники поддержания уровня воды в будущем канале и в результате пришел к мысли о необходимости строительства серии водохранилищ.

Тогдашнему министру финансов Жану-Батисту Кольберу инженерное решение Рике показалось убедительным, однако Людовик XIV одобрил проект лишь через несколько лет, в 1666 году.

Строительство началось с южной части грандиозного проекта, от Тулузы в направлении Средиземного моря. В процессе строительства Южного канала (Каналь дю Миди, или Лангедокского канала) было сооружено несколько водохранилищ. В периоды, когда государственное финансирование прекращалось, Рике оплачивал работы из собственного кармана.

Открыли Южный канал в 1681 году. Рике умер, всего за нескольких месяцев до окончания строительства. Завершил проект военный инженер маркиз де Вобан, построивший во Франции множество крепостей. Северная часть Канала Двух Морей (Каналь Дю Мер) была завершена в XVIII–XIX веках.

Практически на всем протяжении Лангедокский канал с обеих сторон обсажен деревьями: они укрепляют берега и затеняют дорожки, по которым вдоль него в прежние времена шли лошади, тянувшие грузовые баржы. Сегодня по каналу ходят лишь небольшие суда, преимущественно туристические.

Проезжавшие машины гоняли по перекрестку волны раскаленного воздуха. Никита поспешил перейти на другую сторону, на набережную, в тень больших платанов. Южный канал вовсе не выглядел грандиозной водной артерией. С виду – небольшая, аккуратная речка с идеально ровными берегами. Неожиданно откуда-то потянуло нежным ароматом. Никита потянул носом и с удивлением определил источник: цветами ощутимо веяло со стороны маленькой баржи, пришвартованной у набережной. Надпись на носу гласила, что судно называлось

«Вулкан», однако на его лиловом боку было крупно выведено «Фиалковая терраса» и еще, помельче: «Дом фиалки». Никита невольно устремился на запах.

Место оказалось занятым. Все пространство нижней палубы, куда вели лиловые ступеньки, занимал салон-магазин, декорированный лиловыми шторами и лиловой мебелью. Здесь все благоухало фиалками: леденцы и конфеты с засахаренными цветками фиалки, сиропы и ликеры из фиалок, печенье и кексы с ароматом фиалок, фиалковый конфитюр и фиалковый чай. Пока Никита в полном изумлении разглядывал фиалковую гастрономию и сувениры, к нему подошла приветливая хозяйка.

Слово за слово – и в руках довольного Никиты оказалась чашка с фиалковым чаем. В течение последующих десяти минут он узнал о фиалках больше, чем об остальных цветах вместе взятых за всю свою жизнь. И получил приглашение приехать в Тулузу на фестиваль фиалок в начале февраля. Никита сделал несколько снимков довольной хозяйки на фоне лилового интерьера и зачем-то пообещал при случае завезти фотографии.

Через полчаса он сходил с трапа фиалковой баржи с бутылочкой фиалкового ликера и рецептами коктейлей в сумке. Кроме того, там лежал пакетик фиалковых конфет – подарок для Изабель.

Согласно легенде, латинское название фиалки (Viola) произошло от имени Ио, возлюбленной Зевса. Разгневанная очередной изменой жена Зевса, Гера, превратила Ио в корову. Несмотря на печальный финал этой любовной истории, фиалка стала символом флирта и обольщения. В Древней Греции в Афинах было принято дарить девушкам букетики фиалок. В Средние века фиалками украшали клумбы, позже их ароматические масла начали использовать для производства духов и пудры. При Людовике XV во Франции появились первые культурные плантации фиалок. Сбор дикорастущих цветов уже не мог обеспечить потребности королевского двора в модном аромате: как известно, аристократы в то время считали мытье вредным делом и заглушали запахи тела духами.

Продажа фиалок не прекращалась в Париже даже во время революций.

Говорят, что в Тулузе фиалки появились благодаря наполеоновскому солдату, который принес из похода цветков в горшке как подарок возлюбленной. Со временем Тулуза стала главным европейским центром разведения фиалок. Скоростными поездами фиалки доставляли по всей Европе и даже в Россию.

В самом конце XIX века в Тулузе начали изготавливать конфеты и украшения для тортов из засахаренных цветков определенных сортов фиалки. Эта индустрия процветает по сей день. А торговую марку La Violette de Toulouse можно увидеть на различных сладостях, ликерах и парфюмерии.

Никита с грустью и нежностью думал об Ольге и с радостью и замираньем сердца об Изабель. Две совершенно разные женщины в его мыслях не мешали друг другу – каждой отводилось строго определенное, ему понятное место. Однако в этом простом, на первый взгляд, сценарии был один серьезный изъян – ни одна из участниц спектакля не годилась на роль второго плана.

– Пора к Антиквару, старик, – решительно произнес Никита, взглянув на часы. – Он уже, наверное, приготовил кучу барахла, чтобы тебе впарить.

При мысли о профессоре Никиту снова охватил студенческий ужас, усиленный опасением, что его обязательно попытаются надуть.

Любопытство оказалось сильнее тревоги, и Никита двинулся в обратном направлении.

Антиквар действительно ждал его с видимым нетерпением. На его рабочем столе небольшими стопками лежали гравюры, акварели, рисунки карандашом, тушью и чем-то еще, в чем Никита не разбирался.

Профессор усадил его в удобное кресло, а сам начал демонстрировать отобранные работы, сопровождая каждую из них комментарием и обосновывая цену.

За редким исключением, гравюры оказались относительно недорогими. Рисунки стоили дороже, некоторые из них – откровенно дорого, но в целом он остался доволен своей затеей.

– Что вам понравилось, месье? – Вопрос не допускал варианта ответа «не понравилось ничего».

– Все! – Это была правда. – Но придется выбирать. И не забудьте, пожалуйста, про рисунок, который я увидел первым.

Вначале Никита перекладывал листы с места на место, пытаясь представить, где и в каком порядке их развесит. Дело продвигалось туго. Он махнул рукой на попытки планирования и стал просто откладывать то, что его почему-либо тронуло. Собралась пестрая компания из пастушек с пастушками, дам с кавалерами и современных парней и девушек. Каждая пара рассказывала свою историю любви – кто-то наивно, кто-то жеманно, а кто-то с нескрываемой страстью. Никита безоговорочно отбраковывал любые намеки на эротику. Сам он ничего не имел против некоторой двусмысленности, но Ольга ее не одобрила бы.

Антиквар заинтересованно наблюдал за процессом. Время от времени он одобрительно мычал, иногда подсовывал Никите парную гравюру, видя, на чем остановился его взгляд, но в целом вел себя деликатно и мнение свое не навязывал.

Отобрав шесть гравюр и три рисунка, – один из них тот, первый, в рамке, – Никита остановился. Для начала этого было достаточно.

– Это пока все, – резюмировал он. – А теперь назовите, пожалуйста, стоимость.

Антиквар быстро скалькулировал в уме и назвал сумму, которая, на первый взгляд, показала Никите разумной.

С другой стороны, торг был делом чести, поэтому он пошел на провокацию:

– Изабель говорила, что вы дадите скидку, если я скажу, что это она меня прислала.

На этот раз Антиквар и бровью не повел при упоминании имени Изабель. Только переспросил:

– Она так сказала?

– Да, месье. Она уверяла меня, что вы самый известный и самый лучший антиквар в городе и что вы обязательно дадите скидку.

Антиквар подумал, поглаживая седую бородку, и скинул тридцать евро с суммы в несколько сотен. На том и остановились.

– Позвольте спросить, месье. Как вы собираетесь оформлять работы? – поинтересовался Антиквар после того, как Никита расплатился. – Если хотите, я могу подобрать рамки и паспарту. Только вам придется приехать за ними через несколько дней.

Они обменялись телефонами, и Никита отбыл восвояси, унося запакованный рисунок и чек на оставшиеся приобретения.

Он возвращался к себе уже затемно. На вершине холма приветливо светились огни Лантерн – хотелось поскорее добраться туда из темноты, которая окружала неосвещенную дорогу.

Никита припарковался напротив деревенской гостиницы и отправился в ресторан, ужинать.

В этот раз его проводили в зал на пять квадратных столиков, в котором он раньше не был. Мебель была старинной, не такой, как в остальной части ресторана. Стулья с высокими резными спинками казались неудобными. Видимо, на них полагалось сидеть прямо, держа без-

укоризненную осанку. У стены стоял огромный буфет и две громоздкие консоли по бокам от него.

– Буфеты меня сегодня преследуют, – по-русски проворчал Никита, раскрывая меню.

– Пардон, месье? – не понял официант.

– Ничего, все в порядке! Скажите, давно здесь стоит эта мебель?

Вопрос застал парня врасплох:

– Не знаю, месье. Часть мебели здесь очень давно, еще от прежних владельцев. Возможно, кое-что покупали уже нынешние хозяева. Не знаю, я не очень давно здесь работаю.

– Спасибо, простите, что отнимаю время глупыми вопросами.

Официант принял заказ и удалился.

Буфет не давал Никите покоя. Из всего, увиденного сегодня, этот экземпляр больше всего походил на прототип из сна. Пользуясь тем, что был единственным посетителем в зале, Никита поднялся с места и принялся осматривать буфет со всех сторон.

За этим занятием его и застал хозяин гостиницы, он же шеф-повар ресторана. Официант передал ему вопрос Никиты, и тот пришел посмотреть на странного клиента и выяснить, что ему надо.

Никита попытался загладить неловкость:

– Бонжур! Не удивляйтесь, пожалуйста! Я помешан на старинных буфетах, и ваш экземпляр меня очень заинтересовал. Это фамильная вещь или вы его где-то купили?

– Купил на аукционе, здесь, в Лантерн, – мрачно ответил хозяин гостиницы, вытирая крепкие руки заткнутым за пояс полотенцем.

Он был человек простой, много работал и не любил, когда кто-то совал нос в его дела. Если бы этот чудака не был клиентом, он послал бы его подальше.

Никита почувствовал, что продолжать разговор не только бессмысленно, но даже рискованно, и поспешил отойти на запасные рубежи:

– Думаю, вы сделали отличную покупку, месье! А еще должен сказать, что я всегда с удовольствием прихожу в ваш ресторан. Отличная кухня!

Это была лесть, на самом деле кухня в ресторане была заурядная.

Шеф взглянул на него с подозрением, буркнул «мерси» и вернулся на кухню.

Никита достал планшетник – до прихода хозяина он уже успел прикинуть габариты ресторанного буфета. Сравнение показало, что самый крупный экземпляр из увиденных сегодня все-таки принадлежал Антиквару.

Никита медленно ехал по деревне, освещенной главным образом светом из окон домов. Он с трудом нашел место для парковки – вдоль всей его узкой улочки уже тесно стояли соседские машины.

Войдя на кухню, он с тяжким вздохом опустился на жесткий стул – тело ныло от усталости. Но больше этого Никиту заботил неминуемый разговор с Ольгой об Алексее. Внутренне он был готов уже сдаться, но пока не нашел приемлемой формы капитуляции.

– Привет, моя девочка! Как ты? – Никита старательно улыбался в телефон, чтобы голос звучал как можно более жизнерадостно.

– Привет, – ответила Ольга настороженно. – У тебя все нормально? Ты чего такой веселый?

– Просто рад тебя слышать, любимая, – использовал Никита удачно заданный вопрос. – Я ездил в Тулузу, с самого утра мотался по магазинам. Не представляешь, какие интересные персонажи мне попадались!

Дальнейшее было чистой импровизацией:

– Я весь день думал о тебе и об Алексее. Кто бы мог подумать, что наш сын по доброй воле захочет рисовать гипсы!

Ольга хранила недоуменное молчание.

– Антиквар показал мне свою коллекцию графики, я кое-что купил для гостиной дома в Лантерн. Тебе понравится! И я подумал: пусть Алекс учится в Художественно-промышленной академии, раз он так хочет. Никто не знает, как там жизнь дальше сложится. Пускай занимается тем, что ему нравится, пока молодой.

– Да? – только и смогла вымолвить Ольга. – Ты правда так думаешь? Я рада.

Настоящей радости в ее голосе он не услышал. Жена, видимо, ждала подвоха.

– Я сегодня смотрел на старые рисунки и думал: «Вдруг у нашего парня настоящий талант? А я ему поперек дороги. Дизайнеров много, гениев мало. Вдруг он гений, а я просто этого не вижу, потому что вбил себе в голову финансовое образование?»

– А если окажется, что он не гений? – возразила Ольга. – Если он будет просто хорошим дизайнером или кем-то еще – просто хорошим, не гениальным? Ты снова будешь предъявлять ему претензии? Никита, пойми, наконец, наш сын не обязан соответствовать твоим ожиданиям!

Жена снова спорила с ним, и гораздо более уверенно, чем накануне, уже без прежнего отчаяния в голосе. Никита был бы не прочь подискутировать на тему «стремиться к совершенству или быть, как все», но лишь в теории и не сейчас. Не с Ольгой, и не про Алекса.

Самым разумным было соглашаться до конца. Он надеялся, что это усилит его переговорную позицию в другом вопросе: про Ольгин приезд в Лантерн.

– Ты права, любимая, не обязан, – притворно сдался он. – Я поищу, кто у нас есть в Художественно-промышленной академии. Вот вернемся в Москву и начнем вплотную заниматься. У него ведь всего год на подготовку. Ты взяла билет?

И тут Ольга рассмеялась. Впервые за долгое время она залилась своим девчоночьим смехом – так, как смеялась обычно над его спектаклями.

– Ты в своем репертуаре, Шереметев. Я никуда не собираюсь ехать. Кстати, в эту субботу день рождения Барсика. – Жена перевела разговор на другую тему. – Я его поздравлю от нас обоих, но ты можешь и сам позвонить. Если не забудешь, конечно.

Саша Барсенев был креативным директором и ближайшим сподвижником Никиты многих лет. Сашка дольше всех сопротивлялся идее продажи агентства международному холдингу, но из компании после сделки не ушел. Отношения между ним и Никитой не то чтобы испортились, но как-то остыли. Разумеется, Никита знал, когда у Барсика день рождения, но в нынешних суматошных обстоятельствах мог и пропустить.

– Не забуду, – безо всякой уверенности пообещал он. – Приезжай, Олюш. Я соскучился. – Никита предпринял новую попытку и вновь потерпел неудачу.

– Не дави на меня, Шереметев. Ты сам все решил – получай то, что прилагается.

В постель Никита ложился сердитый.

Дед читал книгу, лежа на диване рядом с распахнутой дверью балкона, за которой сиял восхитительный летний день. Волны жаркого воздуха врываются в обширную гостиную и быстро таяли среди прохладных каменных стен. Они оставляли после себя ароматы фруктовых садов и согретых солнцем виноградников. Дед задумался, глядя вверх книги на редкие облака.

Проследив за взглядом старика, Никита увидел парившую в небе крупную птицу.

– На кого она здесь охотится? – заинтересовался он. – Неужели видит добычу с такой высоты? Большая птица, однако!

Как будто решив официально представиться, хищник взмахнул заостренными крыльями и начал снижаться в направлении деревни. Он стремительно вырастал в размерах и принимал все более странные очертания.

Через мгновение Дед, бросив книгу, вскочил с дивана и попятился в сторону прихожей.

Приближавшаяся птица оказалась огромным птеродактилем, который заложил крутой вираж и с шумом приземлился на перила балкона. Толстые брусья со скрипом прогнулись под его нелепым костлявым телом.

Сон Никиты снова принимал неожиданный оборот. Возможно когда-то, сотни миллионов лет назад, летучий ящер случайно попал в эти места. Планировал на огромных крыльях в воздушных потоках и не заметил, как оказался вдали от морского побережья. А может быть, в его эру море было где-то совсем рядом. Теперь первобытная тень проломила границу сна, вторглась на территорию старика и до смерти его напугала.

– Надеюсь, тебе все это тоже снится, Дед, – сочувствующе сказал Никита.

– Я тоже надеюсь, что это сон, – вдруг ответил старик, не отводя глаз от ящера.

В этот раз у Никиты не было ни малейших сомнений: Дед ответил на его слова.

К счастью, гость пока вел себя мирно – он был шокирован не меньше, чем Никита с Дедом. Ящер таращил глупые глаза и втягивал в плечи продолговатую голову с гребнем, будто стеснялся собственных нескромных размеров.

Попытавшись оглядеться, он чуть не снес зубастым клювом спутниковую антенну. В панике птеродактиль замахал крыльями, от огромных когтей с перил полетела стружка. Он неуклюже перепорхнул в сторону и оказался прямо напротив открытой балконной двери.

Окаменевший от ужаса Дед неотрывно смотрел на доисторическую тварь, но не мог двинуться с места. Зато Никита, который все еще был невидим для героев своего сна, передвинулся ближе к окнам и с жадным интересом изучал пришельца. Ящер выглядел страшным и в то же время смешным. Он был похож на лысого вороненка размером с холодильник и с непомерно длинным носом.

– Красивый Карлуша! Карлуша хороший! – прокурлыкал про себя Никита.

Мало-помалу странный визитер успокоился. Он вытянул морщинистую шею и балансировал полураскрытыми крыльями. Мощные перила ходили под ним ходуном.

С нескрываемым интересом ящер заглянул в комнату. Дед все еще стоял, как вкопанный.

Дальнейшие намерения Карлуши были прозрачны. Он приподнялся на крепких лапах и уже подался костлявой грудью вперед, примериваясь к ширине распахнутого дверного проема. Никита всерьез забеспокоился, что старик не сдюжит, если ящер начнет исследовать дом.

К счастью, как при появлении вооруженного Крикса, опасный визит продлился недолго. Угловатый силуэт в проеме французского окна начал бледнеть и затем растворился в воздухе.

Ошарашенный Дед вышел из ступора, хватанул ртом воздух и рванулся к двери, ведущей в подвал. Вначале Никита решил, что тот запоздало побежал прятаться, потом заподозрил, что внизу опять началось что-то интересное. Он собрался было последовать за стариком, но тут ступени лестницы зазвучали в обратном направлении.

Дед появился на пороге гостиной с пыльной бутылкой в руках. Он подозрительно огляделся, потянул носом воздух, и, убедившись, что путь свободен, решительным шагом направился на кухню.

– Черт побери! – проворчал старик, трясущимися руками вкручивая штопор. – Никакого покоя!

В такой нервный момент он имел полное право хлебнуть из бутылки, однако у старого пьяницы, видимо, были принципы. Он налил до краев высокий стакан и выпил залпом почти половину. После этого, обмякнув, опустился на стул и устало прикрыл глаза.

– А ты, оказывается, крепок, Дед. Другой хлопнулся бы в обморок.

Никита одобрительно засмеялся, но тут же замолк, потому что Дед поднял голову, взглянул прямо на него и мрачно спросил:

– Хочешь выпить?

После безмолвной паузы Никита протянул руку к бутылке. Холодное стекло, запах красного вина – все казалось настоящим. Старик качнул головой в сторону полки с перевернутыми чистыми стаканами. Никита послушно взял один, налил себе немного и вернул бутылку Деду.

– Давно ты меня видишь? – спросил он нерешительно.

– Не помню. Сейчас мне кажется, ты был здесь всегда, хотя это очень странно, потому что я ничего о тебе не знаю. Как тебя зовут?

– Никита. А тебя?

– Эдвард. – Наконец-то Дед обрел нормальное имя.

Он протянул свой стакан в сторону гостя, они чокнулись и выпили. Вино было приятное, с фруктовым оттенком. «Разве можно во сне чувствовать вкус? – подумал Никита. – Похоже, я сошел с ума».

– Иногда мне кажется, что я теряю рассудок, – эхом отозвался на его страхи Дед. – Ты тоже видел ящера на балконе?

Никита кивнул.

– И что думаешь?

Никита отрицательно мотнул головой.

– Вот и я ничего не понимаю, – вздохнул старик. – Все кажется реальным. И в то же время абсурдным. – Никита был полностью согласен. – Садись. Хочешь перекусить?

Никита взмахнул было рукой, чтобы остановить его, но Эдвард уже вскочил со стула и начал хлопотать.

– Я, молодой человек, очень люблю готовить. Особенно для гостей, – забормотал он, ныряя в холодильник. – У меня есть все, что нужно. Кухню я спланировал сам. И мебель сделал сам. Полностью, от начала до конца.

Никите показалось, что Дед снова начал говорить сам с собой. Однако через минуту тот обернулся, и стало понятно – контакт не прерван. Старик ожидал похвалы.

– Неужели?! – подыграл Никита. – Поразительно! Я и подумать не мог!

– Да, я многое умею! – расплылся в улыбке Эдвард, держа в руках керамическое блюдо с початым пирогом. – Это корнуэльский пирог. Я испек его вчера для моего друга Жана-Кристиана. От него ушла очередная жена... Он тоже живет один и почти не готовит. Покупает готовую еду в супермаркете, иногда ужинает в ресторане.

Старик разогрел пирог в микроволновке, быстро накрыл на стол и уселся напротив Никиты.

– Попробуй! Гарантирую – захочешь еще! – хвастливо сказал он, кладя на тарелку большой кусок.

Пирог оказался съедобным, хотя, вопреки ожиданиям старика, добавки Никита не попросил.

– Очень вкусно! – на всякий случай похвалил он.

Довольный Дед потянулся за его тарелкой, но Никита поспешно отодвинул ее в сторону.

– Спасибо! Больше не могу!

Старик недовольно пожевал губами, но через мгновение дежурная улыбка вернулась на его лицо.

– Вот и Жан-Кристиан вчера съел только один кусок! Боится располнеть! Ему почти восемьдесят пять, но он каждое утро целый час делает гимнастику. Хочет нравиться девушкам!

Эдвард игриво подмигнул.

– Жан-Кристиан женился много раз. Если человек с воображением работает в модной индустрии, – а мой друг был директором по рознице в крупной международной компании, – его участь предопределена. У Жана-Кристиана были женщины во всех крупных городах Европы. Он делал попытки остепениться, женился на очередной красотке, но вскоре уходил на следующий круг – новое увлечение, развод, несколько лет в свободном полете и очередной брак. К

пенсии Жан-Кристиан остался совершенно один. Бывшие жены и дети разбросаны по миру. Никто из них не желал иметь с ним дела.

Старик вдруг осекся и с подозрением взглянул на Никиту.

– Тебе неинтересно? – полувопросительно сказал он.

– Очень интересно! – воскликнул Никита. Болтовня Эдварда давала ему время освоиться в своей новой роли. – Продолжай, пожалуйста!

– Раз ты так просишь! – Дед разлил по стаканам остатки вина. – Жан-Кристиан поселился в Лантерн по той же причине, что и я: красивое место, удачное расположение, хороший климат. Однако остановить свою кипучую личную жизнь он был не в силах. Возможности завести роман здесь быстро иссякли, и примерно лет пятнадцать назад он начал несколько раз в год ездить в Юго-Восточную Азию. Ну, ты знаешь, о чем я говорю!

Никита понимающе кивнул.

– Из очередной поездки Жан-Кристиан вернулся с юной женой. Он заплатил ее родителям символический по нашим меркам выкуп и увез во Францию. Ты не думай, Никита, он здесь оформил с ней официальный брак! Жан-Кристиан честный человек. Они прожили совсем недолго. Примерно через полтора года девушка тихо умерла, оставив Жану-Кристиану новорожденную дочь. Врачи ничего не смогли сделать, никакой известной науке болезни у нее не нашли. Жан-Кристиан говорил, что она была ангелом, поэтому Господь забрал ее к себе. А по моему мнению, это был ее способ бежать. Непонятно только, почему она просто не попросила развода.

Повисла пауза. Дед снова ушел в себя.

Потом продолжил:

– Жан-Кристиан оказался снова один, только теперь с младенцем на руках. Он оставил ребенка с няней и поехал в Азию за очередной женой.

В ответ на поднятые брови Никиты старик предостерегающе поднял руки.

– Знаю-знаю! Это странно! Но Жан-Кристиан решил, что так будет лучше для дочки: ей нужна была мать. План провалился. И новая жена здесь не прижилась. Помня свой недавний печальный опыт, Жан-Кристиан купил ей билет на самолет, дал денег в качестве компенсации и отправил назад. Его дочь забрала социальная служба. Решили, что старик не сможет обеспечить ребенку необходимый уход. Так оно и было...

Эдвард вздохнул.

– Тогда мы с Жаном-Кристианом и познакомились. Только представь, что говорили о нем в деревне! Я оказался одним из немногих, кто открыто его поддержал. Мне было плевать, что думают другие. Жан-Кристиан оказался хорошим другом. Он француз, при этом отлично говорит на английском – все это время он помогает мне в общении с официальными органами и переводит документы. Я-то французский так и не выучил...

Никита допил вино и почувствовал себя свободнее.

Пытаясь пригасить драматическую тональность беседы, он легкомысленно воскликнул:

– Я бы сказал, что твой друг прожил незаурядную жизнь!

Попытка оказалась не самой удачной.

– Почему «прожил»? – возмутился Эдвард. – Он и сейчас живет полной жизнью. Правда, поклялся, что больше не женится.

– Конечно! – поспешно согласился Никита. – Я имел в виду именно это!

Эдвард продолжал отстаивать друга:

– Если хочешь знать, Жан-Кристиан оказал мне бесценную услугу.

– И что же он сделал?

Не так уж сильно Никиту интересовала судьба восьмидесятипятилетнего француза. Но в нынешних странных обстоятельствах ему было проще слушать, чем говорить.

Дед начал издали:

– Для ремонта дома требовался огромный объем столярных работ. Они обошлись бы мне в кругленькую сумму. Я посчитал и купил деревообрабатывающий станок. Потребовалось время, чтобы его освоить, зато потом дело пошло на лад. Я уже говорил тебе, что сам сделал мебель для кухни?

– Да-да! Потрясающе! – Никита успел усвоить, что Дед нуждался в регулярном поощрении.

– Не только кухню. Я многое сделал сам. Почти все, кроме лестницы и входной двери: их достаточно было отреставрировать. Хороший дуб, знаешь ли, от времени становится только прочнее.

Старик смахнул крошки с шершавой поверхности кухонного стола и поднял глаза к потолку.

– Раньше балки перекрытий в домах старались делать из дуба, и они служили столетиями. Как эти... Я тебе больше скажу! Если сейчас старый дом признают непригодным для восстановления, его разбирают и отдельные части, в том числе дубовые балки, продают на аукционе.

– И что с ними делают? – исключительно из вежливости спросил Никита.

– Используют при реставрации других старинных зданий, которых очень много во Франции. В этих домах располагаются офисы и продолжают жить люди, а значит, их время от времени приходится ремонтировать. Бывает, что старые детали покупают для строительства новых домов – это позволяет создавать историческую атмосферу в интерьере.

На фоне лекции про дубовые балки душещипательная история Жана-Кристиана показалась Никите не такой уж скучной.

– Ты хотел рассказать про своего друга, – напомнил он.

– Про моего друга? – переспросил Эдвард, мысли которого захватила строительная проблематика. – Да! Как-то мы сидели в моей гостиной, и Жан-Кристиан заметил, что комната просто создана для вечеринок – просторная, с большим столом, с камином, мягкими диванами и креслами. Я ответил, что мне некого приглашать, я почти никого здесь не знаю. Жан-Кристиан сказал, что эта беда поправимая и что мне давно пора сделать шаг в местное высшее общество. Слово за слово... Родился план. На следующий день я отправился в приемную к мэру Лантерн и пригласил его в гости в ближайшую субботу. Как бы мимоходом я сообщил, что месье местный доктор и месье местный адвокат также приглашены и уже дали согласие. Тот же трюк я повторил с каждым из перечисленных господ. Все они едва знали меня тогда, но посчитали, что в такой компании их репутации ничто не угрожало.

Никита расхохотался. Авантюризм старика был ему близок.

Эдвард увлеченно продолжал:

– Я приготовил шикарный ужин. Жан-Кристиан помог мне выбрать вино: как ты понимаешь, оплошность в этом деле здесь могла бы погубить затею. Он, конечно, тоже был приглашен на вечеринку. Я рассчитывал на то, что мужская половина Лантерн относилась к моему другу, скорее, с сочувствием, чем с осуждением. И не ошибся. Мы отлично провели время. Все хвалили мою стряпню и восхищались тем, как я отремонтировал старый, запущенный дом. Когда пришло время подняться из-за стола, гости выразили желание осмотреть верхние этажи. И вдруг, как будто невзначай, Жан-Кристиан обронил, что кухню, двери и часть мебели я сделал собственными руками и что у меня в подвале мастерская. Все захотели на нее взглянуть. Когда восторги моих гостей достигли апогея, Жан-Кристиан высказал мысль, что я мог бы изготавливать что-нибудь на заказ, а в деревне наверняка найдутся клиенты. Все дружно согласилось, и тут Жан-Кристиан напомнил месье доктору, что тот давно собирался поменять входную дверь в кабинет, где принимал больных, так как она растрескалась и стала плохо закрываться. Тот разговор положил начало моему новому небольшому бизнесу.

Старик перевел дух. Он взглянул на пустой стакан Никиты и спросил:

– Хочешь еще вина?

– Нет, спасибо! – поспешно ответил тот. Идея напиться во сне пока вызывала у него опасения. – А что за бизнес? Ты делаешь двери?

– Началось все действительно с двери в докторский кабинет. Она послужила мне превосходной рекламой. Постепенно список того, за чем ко мне обращались клиенты, стал расширяться: я все делал качественно и не слишком дорого. Теперь я строю и ремонтирую дома. Работаю не потому, что не хватает денег на жизнь. Просто надо же чем-то заниматься! Мне везет: люди готовы платить за то, что я делаю с удовольствием!

– Ты прав, – нехотя согласился Никита. – Чем-то заниматься надо.

Сам того не зная, старик наступил на большую мозоль Никиты.

Чтобы не задерживаться на неприятной теме, Никита попытался вернуть разговор в прежнее русло:

– Отличную авантюру провернули вы с другом! И что, тебя здесь признали своим?

– Не могу сказать, что после той памятной вечеринки я стал членом высшего общества Лантерн, – язвительно ответил Эдвард. – Но знакомых у меня прибавилось, и относиться ко мне стали более благосклонно. И к Жану-Кристиану тоже. Его дочь отдали в приемную семью в Монтобане, он иногда навещал ее. Со временем в деревне появились более яркие поводы для сплетен, и его оставили в покое. Скажу тебе по секрету, девочка выросла неблагополучным ребенком. Переходила от одних приемных родителей к другим, связалась с наркоманами – Жан-Кристиан говорит, что это наказание за его беспутную жизнь и невнимание к детям.

Никита заерзал. Про невнимание к детям он слышал совсем недавно от собственной жены.

К счастью, Эдвард внезапно сменил тему.

– На блошином рынке знакомые рассказали мне про британскую леди, которая занимается в танцевальной группе. У леди связь с преподавателем по танцам, а он совсем молодой парень! Сейчас это самая горячая сплетня в деревне. Парень организывает поездки на танцевальные фестивали для своих учеников, и эта леди везде ездит с ним. Говорят, что он живет на ее деньги!

– А ты не думаешь, что леди просто нравится танцевать? – вступился за чужую даму Никита. – Может, местные ей завидуют? Ты только что рассказывал мне, как легко твой друг стал изгоем среди ханжей.

– Возможно, ты прав. – Эдвард смутился. – Я не против того, что леди в зрелом возрасте учится танцевать и ездит на фестивали. Меня коробит, что парень пользуется ее слабостями. И потом, эта их сальса – откровенный танец. Я считаю, леди должна вести себя прилично!

Желание защищать смелую женщину пропало. С сальсой у Никиты были свои счеты. Несколько лет назад Ольга внезапно увлеклась карибскими танцами. Ее новая страсть стала протестом против практически круглосуточного отсутствия мужа. Пока речь шла о занятиях в танцклубе, Никита относился к ее причуде индифферентно. Танцы представлялись ему чем-то вроде фитнеса. Когда жена стала уходить «потанцевать» на какие-то «вечеринки», он насто-рожился и, в конце концов, захотел увидеть все собственными глазами. Ольга обрадовалась – она наивно предположила, что теперь у них с мужем появится общее увлечение.

Та вечеринка, на которую они отправились вместе, стала последней в танцевальной карьере Ольги Шереметевой. Никита не выдержал и часа, глядя на то, как уверенно и по-хозяйски обнимали его жену посторонние мужчины, в том числе совсем молодые, и какой счастливой она при этом выглядела. С тех пор визиты нежданных гостей и неотменяемые поездки на дачу к родителям начали удивительным образом совпадать с расписанием клубных танцевальных вечеринок. Ольга не сразу поняла, в чем дело. Когда поняла, попыталась протестовать, но потом, как и всегда, смирилась, не в силах противостоять мужу.

Эти воспоминания молнией промелькнули в голове у Никиты, и он убежденно сказал, подтверждая наличие двойных стандартов:

– Согласен! Леди обязана вести себя прилично!

Из гостиной донесся непонятный шум. Поглядывая на Никиту, Эдвард с опаской подошел к двери, приоткрыл ее и мгновенно захлопнул снова. В его глазах застыл дикий ужас.

– Опять ящер! – прошептал он. – Он в доме!

За его спиной, в квадрате желтого волнистого стекла возник уродливый силуэт Карлуши. Дверь дрогнула и задребезжала от удара огромного клюва.

– Бежим отсюда! – в панике крикнул Дед, бросаясь к Никите.

От нового удара толстое стекло треснуло, мелкие осколки посыпались на пол.

«Страшный какой-то сон», – успел подумать Никита, прежде чем дверь разлетелась вдребезги, открывая дорогу опасной твари.

Четвертый день

Он проснулся резко, как от толчка. Сердце тревожно стучало, было трудно дышать. Некоторое время он бессмысленно таращился в темноту за окнами, вспоминая сон. Его напугала не история с летучим ящером. Реальной угрозы он в ней не почувствовал. Опасным наваждением казался состоявшийся прямой контакт с Дедом. А сильнее всего шокировали отчетливые воспоминания о корнуэльском пироге и вкусе выпитого вина.

– Это сон, просто сон, – уговаривал себя Никита и тут же начинал сам с собой спорить. – В нормальном сне так не бывает! Это бред сумасшедшего!

На самом деле он понятия не имел, как должно быть в нормальном сне.

– Интересно, будет ли утром похмелье, если в следующий раз во сне я с Дедом напьюсь?

Никита представил себе, как они с Эдвардом, пьяные и веселые, гоняют по дому ошалевшего Карлушу. Птеродактиль подпрыгивал, пытаясь взлететь, бил по полу острыми крыльями и вытягивал вперед голову с гребнем, как разъяренный гусак. Никита напал на него со шваброй, а Дед держал перед собой тяжелый кухонный стул ножками вперед, пытаясь оттеснить ящера к балкону. В конце концов в фантазиях Никиты побежденный Карлуша с шумом перевалился через порог балконной двери. Он сделал судорожный рывок, взгромоздился на перила, раскрыл огромные крылья и соскользнул вниз. Поток воздуха подхватил его и птеродактиль начал удаляться, постепенно набирая высоту.

Никита вообразил, как они с Дедом на радостях обнимаются и открывают новую бутылку вина, чтобы отпраздновать победу.

– Точно, бред!

Ему полегчало. Еще некоторое время он лежал в постели, закинув руки за голову, и наблюдал, как небо за окном становилось светлее.

Торопиться Никите было некуда. Предстоял день ожидания – на сегодня была назначена доставка диванов и телевизора и подключение спутниковой антенны.

Спустившись вниз, он первым делом налил себе чаю, прихватил печенье и отправился на балкон. Чувство новизны пока не прошло, взгляд на холмы как рукой снял остатки тревоги. Наступила утренняя благодать.

Встречаются люди с высокой восприимчивостью к красоте в любых ее проявлениях. Прекрасное – их наркотик. Таким был Никита. Страсть ко всему красивому служила главным стимулом в его жизни. И в бизнесе, и в быту, и в отношениях с людьми. Тягой к прекрасному он оправдывал для себя любые необдуманные поступки и даже супружеские измены. Он был уверен, что посторонние увлечения никак не касались жены, потому что им двигала не похоть, а влечение к красоте. Правда, такого рода теории он держал при себе. Для Ольги они не годились. Во-первых, она сама была красивой женщиной. А во-вторых, просто не годились, и все.

– Вот был бы такой вид из окна в московской квартире, – сказал Никита, отхлебнув чаю и глядя вдаль. – Я, наверное, и за границу не ездил бы.

Он лукавил. Помимо обостренного чувства прекрасного, его регулярно обуревала страсть к переменам. Один и тот же ландшафт за окном, каким бы исключительным он ни был, рано или поздно прискучил бы ему. В мире оставалось еще столько красоты: неприступные вершины, синие океаны, молчаливые пустыни. И чудесные тихие речки, и лесные озера. И лучшие из городов – древние и современные. Без новых впечатлений Никита испытывал острый эмоциональный голод, зато, насытившись новыми ощущениями, был готов на любые подвиги.

В его мозгу забрезжила идея. Только он никак не мог ее ухватить. Что-то о врачующей силе красоты. Он предпринял ленивую попытку сосредоточиться, но мысль ускользнула, ни во что не оформившись.

После завтрака Никита навел в доме минимальный порядок. В его распоряжении было немного вещей, однако за прошедшие три дня он успел раскидать их по всему дому. Его самого это беспокоило мало, но скоро здесь должны были появиться посторонние. Пускай всего-навсего грузчики и установщики оборудования – это значения не имело. Никита с детства усвоил, что беспорядок – дело интимное. Так перед приходом гостей приговаривал его отец, раскидывая все, что плохо лежало, по самым неожиданным местам. Дальнейшая судьба припрятанного обычно надолго покрывалась мраком.

В процессе уборки Никите попала на глаза все еще завернутая в бумагу акварель.

– Как это я мог забыть?! – воскликнул он, в нетерпении срывая упаковку. В доме она выглядела еще лучше, чем в антикварном салоне.

– Мерси, месье Антиквар, – помянул он профессора добрым словом. – А что там, кстати, с буфетом?

Никита осторожно прислонил акварель к стене рядом с камином и отправился на поиски сумки с планшетником, которую только что куда-то засунул.

Сумка нашлась в кухонном встроенном шкафу, но оказалось, что компьютер разрядился. Пришлось искать зарядное устройство. Сбегав пару раз вверх-вниз по лестнице, он, наконец, устроился с планшетником на полу в гостиной, неподалеку от электрической розетки.

И тут в дверь позвонили.

Никита помчался в прихожую. За дверью он обнаружил мебельный фургон и пару грузчиков в синих комбинезонах. Приехали диваны.

С этого момента все закрутилось в бешеном темпе. Пока вносили и распаковывали диваны, явились монтажники с большими коробками и мотками проводов, а за ними – доставка из магазина электроники.

Никита разрывался на части, пытаясь руководить всем одновременно. И вот распакованная мебель и телевизор встали на свои места. Необходимые документы были подписаны. Грузчики собрали раскиданную вокруг упаковку и отбыли восвояси. Никита перевел дух и отправился на балкон – приставать с вопросами к монтажникам, которые в этот момент приступали к установке спутниковых тарелок.

Один из рабочих, смуглый пожилой француз, показал на сквозные отверстия в массивных перилах:

– Можем поставить тарелки на прежнее место.

В ответ на удивленный взгляд Никиты он объяснил:

– Они здесь уже были раньше, я их сам устанавливал. Видите отверстия? Это было очень давно, много лет назад, но я помню прежнего хозяина дома. Он был англичанин, очень приветливый, но совершенно не говорил на французском. Тогда с ним был молодой человек – помогал с переводом.

– Хорошо, ставьте на прежнее место, зачем же делать лишние дырки. – Никита перестал удивляться. Он потрогал глубокие борозды на перилах метрах в полтора от отверстий. – А здесь тоже что-то крепили?

– Не знаю. Больше похоже на следы от когтей. – Смуглый француз усмехнулся. – От очень больших когтей. И это точно не моя работа.

«Ну да, – обреченно подумал Никита. – Как же, помню я эти когти. И хозяина их помню. Карлушей звали».

Рабочие закрепили антенны и объявили перерыв на ланч. Они уехали в кафе самообслуживания на въезде в деревню. Им оставалось всего лишь настроить телевизор и проверить работу wi-fi в разных частях дома. Работы было не так уж много, но Никита даже не пытался их остановить. Франция. Обед по расписанию.

Он несколько раз передвинул свои новые диваны туда-сюда. Гладкие ножки лихо скользили по каменному полу. Никита определил три основных сценария расстановки: «Вечер у

камина», «Телевизор» и «Вечеринка». Посидел на одном диване, повалился на другом – и остался доволен.

Никита пошарил в холодильнике и в кухонных шкафах. Готовой к употреблению еды почти не осталось, а возиться с кастрюлями не было настроения. Времени на поход в ресторан тоже не было – монтажники обещали не задерживаться. Он подъял все, что посчитал пригодным, и достал из морозилки курицу, чтобы оттаяла к вечеру. Тут он вспомнил о планшетнике, который остался лежать рядом с розеткой.

– Ага! Буфет! Давай-ка посмотрим!

Обрезками проводов он разметил на полу основание самого большого буфета из коллекции Антиквара. Кусочками цветного скотча от вскрытых коробок обозначил на стене высоту. Затем развернул один диван лицом к своему условному макету, уселся, прищурил глаза и в обозначенных границах попытался представить себе резной ореховый буфет. Картинка не складывалась.

– У Деда все было хорошо. В смысле, с интерьером у него все было хорошо. Значит, и у меня все будет, – успокоил он себя.

Никита походил по комнате, глядя на макет с разных сторон. Потом встал у двери в прихожую и попытался восстановить в памяти свой первый взгляд на гостиную Деда.

– Нормально, – резюмировал он через некоторое время. – С гравюрами по бокам будет отлично. А когда повешу люстру...

Раздался звонок в дверь. Вернулись монтажники, и все снова завертелось колесом.

Прошел еще час или даже больше. Заработал телевизор. И – ура! – Интернет стал доступен практически в любой точке первого и второго этажей. На третьем этаже сигнал был слабый и неустойчивый, но Никиту это не смущало. Милая девушка, которая оформляла заказ по телефону – спутниковая фея – предупреждала, что мощности может не хватить.

Закрыв за монтажниками дверь, Никита в изнеможении рухнул на диван. Он устал и дико проголодался. Основных вариантов было два: ждать вечернего открытия ресторана или самому варить спагетти. Никита предпочел третий вариант – более творческий и более рискованный. Он отправился в бар.

Пьер был очень занят. Он передвигал тяжелые основания больших зонтов, чтобы вернуть на место тень, которая съехала в сторону от столиков и посетителей бара. Свободных мест на улице, разумеется, не было. Как и в первый раз, Никита устроился внутри.

– Бонжур, Никита! Одну минуту! – Пьер отнес на кухню поднос с посудой и вернулся, вытирая руки салфеткой. – Как ваши дела? Выпьете что-нибудь?

– Я буду светлое пиво. И еще я ужасно голоден. Пропустил ланч, – признался Никита.

Бармен с укоризной покачал головой. Никита заискивающе улыбнулся.

– Я знаю, что у вас бар, а не кафе. Но, может быть, накормите меня чем-нибудь в виде исключения? У меня в доме весь день работали люди, не мог отойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.